

Оксана
Демченко

Ветры земные

книга II

СЫН
ГЛУМАНА

Оксана Демченко

**Ветры земные.
Книга 2. Сын тумана**

«Издательские решения»

Демченко О.

Ветры земные. Книга 2. Сын тумана / О. Демченко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852333-5

Дети ветров так же несхожи между собой, как и люди. Все они чего-то ищут... и зачастую сами не ведают, чего именно и как далеко готовы зайти в поиске. А еще — во что им обойдется интерес и готовы ли они платить по счетам... Кортэ, сын северо-западного ветра, начал с уважения к золоту как величайшей силе, способной менять обстоятельства, людей и границы. И где же он оказался, пройдя свой путь целиком?

ISBN 978-5-44-852333-5

© Демченко О.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Королевские игры	6
Глава 2. Грехи наши тяжкие	29
Глава 3. Семейные ценности	54
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Ветры земные

Книга 2. Сын тумана

Оксана Демченко

Корректор Борис Демченко

Фотограф LuckyImages, фотобанк shutterstock

Дизайнер обложки Оксана Демченко

© Оксана Демченко, 2017

© LuckyImages, фотобанк shutterstock, фотографии, 2017

© Оксана Демченко, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-2333-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Королевские игры

Площадь Филиппа казалась раскаленной сковородой, шкварчащей солнечными бликами. Дождик истекал последними скудными каплями, горячий воздух пропитался влагой и загустел, как добротный соус. Он пах вялыми цветами, пылью, несвежей рыбой, приправами, хлебной коркой, сточными помоями...

Зоэ стучала подкованными туфельками по камням и следила, не поднимая головы, как мостовая стремительно сохнет и тускнеет. Распущенные волосы плотно закрывали лицо, дышалось в плаще собственных кудрей тяжело. Хотелось сбросить за спину ворох темного шелка, встряхнуть, проветривая, сплести в косу... Но если идти и смотреть вниз, то наверняка никто не заметит, до чего же грустно плясунье. И пусть не видят: так правильно, нельзя портить людям день и выпрашивать жалость, как милостыню.

Королевская плясунья обязана выглядеть веселой, нет у неё ни единого повода к огорчению. Даже последний нищий в городе знает в лицо сеньориту Зоэ, «ту, что умеет расшевелить самый ленивый ветер». Ей улыбаются при встрече скупердьяи-купцы, вежливо кивают иноверцы и иноземцы, желают здоровья строгие вооружённые стражники... Багряные служители, страшные кому угодно и наделенные властью суда веры, – и те намечают кивок или обозначают в складке у губ – улыбку.

Но плясунья проходит мимо, и вот уже взгляды утыкаются ей в спину, уподобляясь кинжалу ночного злодея... Вымогают нечто – а пойдёшь пойми, что?

Знакомые шаги стремительно вымеряли площадь от самого фонтана, нагоняя Зоэ. Значит, Альба наконец-то укутал драгоценную виуэлу в три слоя тонкой кожи и, надо полагать, счел угрозу отсыревания корпуса исчерпанной.

Рука нэрриха легла на плечо, оберегая и утешая.

– Все хорошо, – привычно заверил младший из ныне живущих детей ветра.

– Знаю.

– Если бы радость цвела, взглядом взмывала б ты в небо, о Зоэ, чьи крылья – ресницы, – вздохнул Альба, крепче обнял за плечи, огляделся и куда более настороженно добавил, упрощая вычурный строй рифмы. – Когда ты плачешь, солнышко не всходит.

– Жарит, как чумное, – огрызнулась Зоэ

Она по-прежнему не поднимала голову и ощущала, что усталость сбывшегося танца навалилась всей тяжестью. Сделалось едва посильно дышать, воздух стал липким, как пот. Ноги подкашиваются, а слова утешения выводят из равновесия самым своим звучанием. Хотя Альба и не виноват... Но унять обиду не получается.

– Отстань, а? Иди, сидра выпей.

– Я не пью в потемках, – тихо и грустно отметил нэрриха. – Тебе плохо, это значит, день еще не улыбнулся. Я дождусь рассвета, Зоэ.

– Не донимай, – прошипела Зоэ, ощущая себя неправой и оттого обиженной вдвойне горше: на нэрриха и еще больше на себя, колючую и неудачливую.

– *Черный бархат винограда*

Сок прозрачных слез скрывает,

Цвет созревшего обмана

Тайну вкуса облачает... – спел неугомонный нэрриха, забросил виуэлу за спину и без спроса принялся сплетать волосы названной сестры в свободную косу.

Порыв ветра вмиг выстудил мокрую от пота кофту, освежил лицо. Дышать стало легче, Зоэ прислушалась к отзвуку рифмы, убрала короткие завитки прядей за ухо и шмыгнула носом.

Сердиться на Альбу трудно. Он, хоть и выглядит взрослым человеком, защитником и воином – а ведь на деле и не человек, и прожил в мире чуть менее двух лет... Весь этот срок

истратил, выслушивая жалобы, придумывая слова утешения и даже вытирая кое-кому сопли. Хотя мог бы сам, на правах новорожденного, капризничать и требовать внимания. Тем более, сыну ветра вроде бы самой природой полагается быть – ветреным, непостоянным и даже склочным. Достаточно разок глянуть на Кортэ, чтобы осознать, каков на деле норв у ненастья...

– Этот твой стих получился неплохо, – Зоэ пересилила себя и выговорила слова старательно, совсем без дрожи в голосе.

Прикусив губу, она начала распрямляться, упрямо и последовательно отдирая взгляд от мостовой, как отдирают присохший финик – колупая с краешка и поддевая все дальше. Сперва Зоэ постаралась проследить стык камней и глянуть на стенку дома, затем уговорила взгляд вскарабкаться по стволу лозы до низкого подоконника, вползти по раме окна – выше и выше. Аж шея ноет! Настроение – оно не финик, если уж расплющилось в лепешку, его не смахнешь в совок и не выбросишь заспросто, заменив новым.

– Да, сегодня удалось мне похвалиться очень кстати... пусть сонет и недозрелый, – Альба остановился, развернул Зоэ лицом к себе, критически осмотрел, стер пот с её лба. Улыбнулся, осторожно погладил по волосам. – Танцующая с ветром, почему сегодня даже любимый юго-западный не в радость тебе? Скажи, не держи в себе, так легче. Ты ведь знаешь, я умею слушать. Иного важного пока не освоил, но слушаю неплохо.

– Я пустотопка, – лицо исказилось помимо воли, слезы, вроде бы высохшие вместе с дождем, вновь звенели в голосе и висели на ресницах. – Я была не такая, а вот – вся изошла на глупости, понимаешь? Ничего больше не умею и не могу, я тьфу, шелуха, мякина...

Зоэ сморгнула и помимо воли улыбнулась, кисло и криво – попросила о сочувствии. Хорошо жалеть себя и страдать, когда на тебя обращено внимание Альбы! Его темные глаза, как тот самый виноград из стиха, очередной раз впитают горечь твоих бед, и обязательно станет она хоть самую малость слаще – без причины, просто от разделенности беды. Зоэ смахнула слезинку, улыбнулась иначе, ровнее и шире. Так попросили пальцы Альбы, тронув уголок рта. Нэрриха хитро прищурился, довольный радостью, нарисованной его стараниями.

– Теперь я вижу: недалече утро. – Альба огляделся нарочито-деятельно. – Не выпить ли нам, в самом деле, сидра?

– Пьяницы вы оба, ты и Кортэ, – куда увереннее улыбнулась Зоэ. – Идем. Мне велено явиться во дворец к полудню, я уже нарушила кучу правил! Опять буду строго воспитана злющим секретарем её величества. Ну как его, зануду, терпит наша Бэль?

Зоэ сама нырнула под руку нэрриха и заторопилась, более не уделяя внимания мостовой. Отчищенное щетками дождевых струй небо было синим, глубоким. Крылья птиц вспыхивали мгновенной белизной, перемешивали и взбивали счастье одоления непогоды.

– Глупые чужие правила следует сваливать кучей и не разбирать никогда, пусть гниют в забвении, – серьезно согласился Альба, поглаживая кожих виуэлы. – Порядок лишает тебя радости. Это недопустимо... но поправимо!

Зоэ хихикнула и пошла быстрее, цокая каблучками и вслушиваясь в звук – легкий, без спотыкания сомнений и шарканья горечи. Альба едва слышно постукивал ладонью по виуэле и шагал в такт, словно танец вовсе не завершился, словно вся жизнь – сплошная пляска... а свидание с ветром, неудавшееся в предгрозовой хмурости утра, еще не поражение, но всего-то короткий штрих в большом и сложном узоре движения...

Платки у нэрриха не переводились, так что Зоэ привычно, на ощупь, выдернула из его кармана очередной и промакнула последнюю шальную слезинку. Плотнее прильнула к боку Альбы, еще разок шмыгнула носом, молча радуясь уюту убежища. А кто тронет? Да лишний раз и не глянут, вид у Альбы внушительный, эсток на перевязи боевой, и взгляд его далеко не каждому сулит виноградную сладость.

Альбу в городе знают. Великая, любому известная тайна: младший нэрриха приходится учеником покойному сыну тумана, златолюбивому и неугомонному Кортэ. Столь же всеобщий

секрет – то, что дон Кортэ здравствует вопреки известию о своей трагической смерти, подверженному надежными свидетелями. Это не удивительно. Кортэ очень, очень опасен в гневе, потому тайна его воскрешения столь глубока, потому дон бессовестно пользуется ею, не прячась. Кортэ, сын тумана – так он сам себя именует – проводит время в столице шумно, а уж сидра пьет более, нежели вообще возможно и во хмелю сей яростный дон драться лезет чаще и упрямее, чем допустимо для самого завязатого повесы.

Зоэ, окончательно отбросив огорчение, решительно дернула названного брата за рукав.

– Аль, как же так: никто не сказал королеве, что Кортэ жив? Это за год-то с лишком?

– Правители щедры на казни тем, кто темные несет им вести... К тому же дон Кортэ и сам не молчит, – чуть помедлив, нэрриха сплел новую рифму, потрянул головой и добавил иным тоном, игривым. – Болтунам он без разбора языка готов порезать. Всем подряд и неустанно.

– Город немых, – хихикнула Зоэ.

– Берегись его, о Зоэ, и тебя – не пожалее, – тем же тоном упредил Альба.

– А ты-то спасешь меня?

– Я в первом круге опыта, он в четвертом, – вздохнул нэрриха, снова погладил виуэлу. Как обычно, серьезные слова он не стал наспех рифмовать. – Но это мало что значит. Ты родня мне, а он, если взъестся, не прав. Я тебя спасу. Обязательно.

Дальше, в гору, пошли боковой улочкой, взбираясь по узкому шнуру мостовой, сплошь составленному из веерных полукружий обожженного кирпича. Кладка была старой, местами щербатой, она норовила коварно поймать каблук в щель и нарушить ритм движения. Улочка, впрочем, попалась веселая, она шурилась на путников мелкими лужицами-глазами, серыми в тених и синими, когда изгиб допускал в колодец стен солнце, щедрое, летнее – готовое расшвыривать без счета звонкую медь бликов.

Влага дождика, короткого, как дурное настроение Зоэ, стремительно сохла. Камни одевались в пыльный бархат, теплели, звучали иначе. Плясунья продолжала выстукивать ритм – почти ровный, но содержащий легкую, едва уловимую особинку: строй стиха, недавно напетого Альбой. Получалось не особенно задорно, даже несколько монотонно. Так удобнее думать, шаг за шагом подбираясь к грустной и трудной правде. Пришло время признать её, но все же не отчаиваться и не прекращать рассуждений.

Позапрошлым летом Зоэ – сирота без родни и средств, вдруг очутилась в столице, при дворе, в милости у самой королевы. Тогда был момент: голова пошла кругом... она показала себе всемогущей, ну ничуть не менее! Она получила свободу и признание благочинности дара звать ветры, обыкновенно осуждаемого Башней. Она бестрепетно вышла на площадь как плясунья – первый раз в жизни – и перетанцевала взрослую пустотопку, опытную обманщицу, ухватившую свободный ветер за гриву. Справилась вопреки всему... и вот рядом – Альба, сын того ветра, пойманного в силки людской корысти и отпущенного из западни. Он пришел в мир людей по доброй воле, а не по принуждению, как иные нэрриха. И теперь он всегда рядом. Сейчас Аль внимательно осматривает крыши домов и окна, цепким взглядом проверяет каждого встречного и попутного человека. Охраняет сестру. Попробуй пойми, игра это – или всё для него всерьез? Люди аж шарахаются, прищур-то у нэрриха решительный, да и внешность не располагает к неуважению. Альба рослый и широкоплечий, на посторонних смотрит хмуровато и даже исподлобья, изучающе. Радость и теплоту он берегает для немногих близких друзей...

– Аль, почему ты таскаешь виуэлу в чехле? – Зоэ сморщила нос, спрашивая просто так, чтобы спугнуть тишину.

– Это дар учителя, и она лучшая из всех, что попадали мне в руки, – обрадовался теме Альба, погладил кожух. – Звонкое серебро в её голосе, лунное. Кортэ отдал мне часть души своей, я счастлив... он решил: пусть ученик приласкает заветные струны, сам же ушел, к золоту слух обращая.

– Да уж, рыжий ценит рыжее, – согласилась Зоэ.

Плясунья поглядела на названного брата, запрокинув голову, споткнулась, хихикнула и зашагала дальше, подхваченная под локоть. Странно и вспомнить, что Альба сперва казался чужим, неразговорчивым. Он, как все нэрриха, явился в мир, выйдя на берег моря, и сам тогда едва ли верил, что станет заботиться о незнакомой девчонке, что всерьез примет родство, немыслимое между смертными и ветрами. Для его жизни нет счета лет и нет старости, болезни обойдут его стороной, даже законы страны и веры для нэрриха – вроде и не обязательны... Неукоснительно действует лишь древнее правило: пришедший по доброй воле сын ветра, если он признан своей плясуньей и признает её, дарует надежный мир стране, где поселился. Никто из взрослых нэрриха не поступит в найм к противникам короны Эндэры, если это угрожает спокойствию «колыбели» – так старинные правила именуют долину, приютившую юный ветер.

Старший из живущих ныне нэрриха – сам Оллэ! – признал столицу Эндэры колыбелью и возвестил нерушимость мира аж на всю жизнь Зоэ. Что оставалось делать плясунье? Склонить голову и принять свою роль, протянуть руку совершенно чужому существу и ввести безымянного нэрриха в дом, назвав братом. Учить незнакомца самому простому, с некоторой настороженностью наблюдая, как тот целыми днями сидит, забившись в темный угол, трогает струны подаренной Кортэ виуэлы – этой самой, укутанной сейчас в тройной кожу.

А потом... Когда именно все переменялось, едва ли знает даже Альба. Сплелась ниточка, связала две души, да так плотно, стежок за стежком, сшила в одно целое, что теперь всякий день Зоэ и Альба неразлучны, и по-иному они себя не мыслят. Брат и сестра. Сирота, лишенная дома – и сын ветра, в доме вроде бы не нуждающийся. Но разве отказываются от тепла, от заботы и дружбы?

За зиму Альба официально и окончательно выбрал имя, повзрослел умом и обрел первые навыки жизни в мире людей, а Зоэ рассмотрела сына восточного ветра глубоко, внимательно. Поняла: молчит он, потому что умеет слушать, чужих не впускает сразу в ближний круг, потому что пробует ощутить их настоящее, а не показное, отношение. Альба стал важным и близким, а во вторую зиму уже без запинки, от души, именовался братом. С ним и болтать хорошо, а уж шагать, не размыкая губ и все же ощущая общение и поддержку – вовсе замечательно. Он умеет слушать – и слова, и невысказанное, сокровенное... Знает, что спину Зоэ разогнула, шутить попробовала, а камень беды на её душе не сделался легче.

Что случилось? Почему ветры более не шепчут в ухо внятные слова, почему танец выцвел до жалкой игры, почему вера в себя сделалась тонка и ненадежна, как потраченная временем ткань?

– Аль, я сегодня совсем не слышала ветра, – Зоэ кое-как выдавила, облекла свою боль в слова, но легче не стало. – Может, я больше и не плясунья?

– Ты к себе ужасно строга, привыкла быть лучшей, забыла, что оступаются решительно все. Люди ломают каблуки и даже ноги не потому, что они пустотопы. Так я думаю. Дай себе время, представь, что ты сломала каблук – и просто не танцуй хоть месяц, хорошо?

– Душа у меня ссохлась, – совсем тихо шепнула Зоэ. – Аль, я подлая. Ноттэ меня спас, а я за две зимы напрочь выстудила сердце, забыла, какое у него лицо. Мне надо звать Ноттэ, чтобы его вернуть. Мне следует слушать его ветер! А я важного ничуть не помню. У меня все хорошо: есть ты, Челито, Кортэ, дом, достаток и прочее разное... лучше б я ногу сломала! Не болит душа так, как должно.

– Лучше уж ты не ломай ногу, – серьезно попросил Альба. Рассмеялся привычно, почти без звука, лишь выдыхая радость. – Зоэ, ну можно ли себя счесть пустотопкой, пока живет на свете мой славный учитель Кортэ? Когда он танцует, мостовая охает от недоумения. Косолапый пустотоп, он сам так называет себя.

– Он не пустотоп, – покачала головой Зоэ. – Но я плохо учу. Он странный, все у него чересчур и все штурмом-приступом. Оба вы не похожи на детей ветра. Ты серьезный, а он вовсе

упертый. Таран на двух ногах... Как такого учить? Он повторяет в точности, будто марширует, а надо – искать своё, внутри. Это как стихи. Хочешь сочинить свои, не собирай их из обломков чужих строк, как стену из кирпича, выломанного из руин брошенного дома. Ты понимаешь, а возьмишь вот Кортэ стихи писать, а?

– Да уж, – Альба рассмеялся.

Улочка, ловко уклоняясь от выпирающих углов домов, то ныряла в низкие затененные арки, то выплескивалась в прожаренные солнцем дворики, то снова гулко множила звук шагов, сдавленный ладонями стен. Эхо догоняло, торопило, смутной тревогой толкало в спину. Когда навстречу покатилося чужое дробно-поспешное эхо, Альба поправил виуэлу за спиной и вроде бы невзначай опустил ладонь на ножны эстока. Зоэ вздохнула. Она точно знала: выбежавший навстречу дворцовый посыльный споткнулся и замер, наткнувшись на острый, вопрошающий взгляд нэрриха. Слуга сразу же склонился подрубленным колосом, спасаясь от недовольства Альбы.

– Вас ждут, донья Зоэ.

– Она не донья, – резко уточнил нэрриха. – И пусть иным врут без роздыху, что ждут, так и передай секретарю. Еще раз отошлёт тебя портить нам настроение и скоблить совесть, я в ответ испорчу ему... что-нибудь.

Посыльный смолчал, не разгибаясь и стараясь выдавить спиной нишу в стене, чтобы надежно укрыться от гнева нэрриха. Зоэ дернула Альбу за рукав и потащила вперед, спасая ни в чем не повинного слугу от угроз – наверняка пустых, но звучащих внушительно.

У калитки дворцового парка тоже ждали. Снова люди склонились, не осмелились торопить и сопровождать, сполна оценив гнев нэрриха. По дорожкам до самого дворца шли быстро и молча: Зоэ опасливо думала о королеве, способной прямо теперь потребовать новый танец. Альба молчал и разделял тревогу, а затем сердито фыркнул, первым приметив в прогале листвы стену дворца.

– Королева в переплете, ткет удавку паутины, – взялся он за свое, рифмуя просто так, чтобы выплеснуть досаду.

Зоэ глянула вверх и успела заметить за окном кабинета промельк движения: Изабелла Атэррийская, наследница власти многих поколений воинственных королей западной ветви древнего рода Траста, действительно только что стояла у окна и смотрела в парк. Ждала?

– Я не слышу ветер, потому что пустотопка и переживаю, – вздохнула Зоэ. – И ты, значит, поутру не просто так порвал две струны. Ждешь дурного?

– Вроде и не с чего, – пробормотал Альба, кивнул слуге и пропустил Зоэ в дверь, на винтовую узкую лестницу черного хода. Усмехнулся. – Всякий ветер ощущает в штيله взвод тугой пружины... или смертную усмешку черной ключницы горбатой.

– Мрачновато, – пожаловалась Зоэ.

– Или шторма приближенье, для отважного – отраду, – Альба исправился, добавив новую рифму. Тряхнул головой, прогоняя шутки. – Зоэ, я всего лишь ветер, запутавшийся в твоих волосах, я следую твоему настроению. Видишь ли, порой у меня своего и нет... Нам одного на двоих довольно. Разве не так?

Винт лестницы закрутился на два полных оборота, уперся в площадку у двери. В низком проеме уже ждал очередной вежливо-настороженный слуга. Зоэ пригнулась, минув порог, выпрямилась и зашагала по галерее в сторону малого кабинета королевы. И почти не удивилась опасливому шепоту слуги за спиной.

– Дон Альба, его величество пожелали видеть вас, они как раз теперь принимают маэстранте.

– Терпеть не могу хамоватых скотин с копытами, так и норовят влепить хвостом пощечину, – пробормотал Альба. – Зоэ, я скоро. Надеюсь, вся армия Эндэры не вынудит меня сесть в седло, ибо кусачая тварь есть воплощение тьмы и ереси.

Зоэ хихикнула, торопливо нащупала веер, с утра оттягивавший карман нэрриха и ничуть не нужный в городе. Лепестки из резной кости раскрылись с легким стуком, пряча лицо до самых глаз, ведь во дворце не приняты яркие проявления чувств, даже и искренние. Но повод для улыбки имеется: беднягу Альбу теперь ждет сам Бертран Барсанский. Его величество неплохо владеет лицом и вполне успешно прячет настоящие чувства без всякого веера, допустимого лишь для доний. Король уже натянул парадно-безупречную улыбку... и потирает руки в предвкушении занятого зрелища. Поблизости наверняка прогуливаются доньи и доны, совершенно случайно они не упустят дивный повод для сплетни, в подробностях живописуя сцену взаимной неприязни юного нэрриха и очередной лошади, выезженной специально для него лучшим столичным маэстранте.

Вот и кабинет её величества.

Короткий спотыкающийся шаг через порог стер с лица Зоэ и улыбку, и само мгновенное, несколько лихорадочное веселье. Изабелла Атэррийская, полноправная сопровительница Эндэры охотно уступала мужу в любых мелочах и забавах, оставляя себе право плести «удавки паутины» больших интриг, упомянутые Альбой.

Даже судя по первому взгляду, сегодня день у королевы не задался: любимое кресло, выбираемое при хорошем настроении, пустует. Изабелла строго выпрямила спину в покоем на жуткое пыточное устройство сооружения, не дающем ни пол-ладони свободы в посадке. И вдобавок одежда... Чего ждать, если правительница предпочла в солнечный день, озаренный радугой, черное глухое платье? Мало того, на стол выложила молитвенник, под правую руку подтянула четки. Более пристальное наблюдение не оставило сомнений: её величество дурно выпалась, под глазами тени. Вдобавок – Зоэ метнула взгляд в сторону – на лице секретаря безнадежное отчаяние затравленности.

– Хотела бы я знать, кто назначает приемы в моей стране? – сухо и зло спросила королева свой молитвенник. По крайней мере, смотрела она именно на этот предмет.

– Вы, ваше величество, – без промедления признала Зоэ, кланяясь и замирая у входа.

– Тогда почему я – жду? – королева изогнула бровь. Погладила кожу молитвенника. – Да простится мне грех гнева, ибо усмирен сей порок, ты ведь жива и даже не в подвалах... Хотя я не получила нужного ответа на свой вопрос. Ты только что в городе сказала, что более не можешь исполнять танец должным образом, что ветры не отвечают тебе. Это частично объясняет твой отказ быть полезной. – Королева оттолкнула молитвенник, на мгновение лицо её сделалось брезгливо-недовольным. Четки защелкали, вымеряя ритм слов. – Зачем мне куколка, если она, то есть ты, сломалась? Зачем мне навязанный рождением Альбы мир с соседями, если он мешает унять амбиции северян или присоединить земли юга?

– Значит, мои слова подслушивали? – от изумления Зоэ забыла, что теперь следует молчать и не злить королеву. Плясунья покосилась на скорбно сморщившегося секретаря. – Ну ничего себе бегают эти, у вас на службе которые...

– Надежные люди, – вроде бы развеселилась Изабелла. – Значит, ветер в порту ты отказалась менять всего лишь потому, что стала... – королева добыла из-под молитвенника лист и сверилась с записями. – Стала пустотопкой. Звучит омерзительно. Почему же я должна кормить дармоедов: твою нелепую, неродную по крови семейку и тебя, солгавшую своей правительнице и покровительнице? Зачем, если ты сделалась для меня – бесполезной?

Зоэ промолчала и с надеждой покосилась в сторону окна. Радуга истаяла, но в небе сохранился сочный оттенок синевы, не пересушенной жарой. Изгнание из столицы было бы счастьем. Долгожданным! На миг голова закружилась от предвкушения: королева сейчас прогонит свою плясунью. Совсем прогонит! И станет возможно уйти. Зоэ вздохнула, мысленно уходя из города и оставляя за спиной дорожные вещи, составляющие столичное имущество и по большей части подаренные самой Изабеллой, иногда и от души, пожалуй. Но обыкновенно даже и в этом случае расположение королевы проявлялось так странно... Сухо, словно

всякое слово – строка приказа, и диктует его Изабелла принародно. То есть превращает диктовку в зрелище, предназначенное для двора, а то и всей столицы. Увы, в ответ на каждый подарок следовало строго по этикету высказывать напыщенно-нудную признательность. Получалось ложно, с кучей поклонов, с неизменным созерцанием узоров каменного пола. Зоэ всякий раз страдала, получая подарок, и безуспешно пыталась понять: честь или наказание это принятие и дарение...

Лишь пребывая в опале, можно выйти из жилья, никогда не бывшего родным домом – и не заботиться о надежности замка на дверях. Так хорошо: налегке и не оборачиваясь покинуть город, где даже дождь – не благодать, а лихорадочный пот, выступающий на камнях. Где утро пахнет гнилой рыбой и нечистотами, а люди не поднимают головы и не видят изгиба радуги, пока им не укажут на это чудо, буквально уговаривая отвлечься от забот хоть на миг.

Плясунья улыбнулась, забывшись и не раскрыв веера. Она грезилась о своей немилости. Вот она ранним утром минует пустые улицы, еще не замусоренные суетой дня. Вдыхает залпом, допьяна ветер вне города, а он вмещает саму свободу... и Зоэ скидывает тесные башмаки и шлепает по пыли босиком, перешучиваясь с Альбой и слушая его стихи, немудреные, но милые.

– Так я могу удалиться в эту... опалу? Прямо теперь? – неосторожно понадеялась Зоэ вслух.

Королева выхватила с колен, из под стола, веер и успела-таки спрятать улыбку в черной кружевной тени.

– Куколка, с тобой не скучно, даже с бесполезной, – отдышавшись, признала Изабелла весьма неприятное для Зоэ. – Но мне чертовски... прости меня Мастер, мне просто дьявольски невыгоден и скучен мир. Именно теперь. Вы с Альбой – причина его нерушимости, и ты могла бы хоть поубиваться для приличия, а не светлеть лицом при слове «опала». Я тебе что, не даю жить в удовольствие? Чего тебе, маленькая дрянь, не хватает? Год я не замечаю мерзавца Кортэ, гуляющего страшнее покойного Филиппа Буйного. Новый наш патор тоже терпит выходки злодея, помыкающего столичной обителью багряных. Факундо свят: он прощает даже тебя, хотя ты бываешь на исповеди много реже, чем в самых похабных гостериях столицы. А я благочестива и я, бочку пороха вам с нэрриха под зад, неустанно молюсь за всех.

– Да уж... тяжело.

– Пошла вон, – устало поморщилась королева. – Видишь, я в бешенстве. Прежде ты умела танцем вышелушивать это из моей души. Но теперь я не желаю делаться мягче, да и ты разучилась умягчать. Убирайся и помни: если я снова буду вынуждена ждать, ты за это ответишь. Единственное существо, чья защита была воистину действительна в отношении тебя – нэрриха Ноттэ, вот только ах, он мертв давно и безвозвратно. О-о! Теперь ты помрачнела, тебе паршиво – а меня отпустило... Учись управлять лицом, куколка. Это дворец, тут быстро выбивают из игры впечатлительных дур.

– Я вовсе не хочу играть.

– Разве я спросила тебя, чего хочешь ты? – опасно ровным тоном уточнила королева. Щелкнула пальцами, глянула на вздрогнувшего секретаря. – Эй, ты! Проводи пустотопку до часовни Льемского столпа и проследи, чтобы исправно молилась о ниспослании смирения. – Изабелла снова нырнула в тень веера. – Смирение Зоэ... Кажется, я возжелала несбыточного чуда. Теперь – пошла прочь.

– Как будет угодно вашему величеству, – вывела Зоэ благочестиво-вдохновенным шепотом, старательно потупившись и покаянно сложив руки.

Изабелла фыркнула в веер и резко сложила вешицу, стуком обозначила: довольно шуток. Секретарь разогнулся, ревматично кряхтя и не имея сил сдерживать вздохи-жалобы на боль в затекшей шее и сведенных судорогой ногах. Под угрожающе-пристальным взглядом королевы движения сделались увереннее, секретарь покинул кабинет, почти не хромя, прикрыл

дверь и сразу сник. Остановился... глубоко вздохнул и побрел, не оглядываясь на Зоэ. Формально он сопровождал плясунью, на деле – отдыхал от колючего настроения её величества. Зоэ тащилась за нерадивым конвоиром, не пытаясь оспорить приговор. Да, в часовне теперь темно и душно, стоять на коленях и бормотать молитвы, не засыпая и не прерывая речитатива – тяжело. Но Альба наверняка скоро объявится и если не спасет от наказания, то скрасит его. Он умеет и самые нудные молитвы петь так, что звучат они вполне интересно. К тому же Альба верит в Мастера совсем по-настоящему, даже как-то детски восторженно, взхлеб.

Весной, когда Зоэ приболела, нэрриха просиживал в часовне по полдня. А после недолго выведывал у Кортэ: отчего искренние мольбы не получили быстрого отклика? Кажется, рыжий сын тумана, склонный верить очень своеобразно, ловко сочетая похабство и благочестие, дал подробный ответ, сопроводив его как примерами из святых книг, так и грязной руганью: Зоэ проснулась среди ночи от необычно громкой и даже яростной перепалки двух нэрриха. Несколько следующих дней Альба молчал и хмурился, с огорчением глядел в небо, внезапно опустевшее, лишившееся мнимого сияния безотказного «добротного боженьки». Наконец, Альба сдался, принял сочувствие сестры и заговорил. Спросил, зачем вообще на свете есть бог, когда он глух и слеп, в молитвах не нуждается и отвечать на них не готов... Зоэ долго думала и сказала: лично она молится, чтобы обрести нечто в своей душе. И не желает просить о бесконечных одолжениях ни людей, ни высшие силы. Разве она побирושка? Альба нахохлился, кивнул и смолк еще на несколько дней... К лету он нечто для себя решил и начал молитвы петь, а не произносить. Возможно, счел высшего разборчивым слушателем, снисходящим лишь к тому, что достойно внимания.

Без Альбы идти по дворцу почти противно. Впереди многие залы с придворными, готовыми глазеть на плясунью. На людях – королева права – надо оставаться уверенной, спокойной. Это дворец, слабых тут норовят извести...

Галерея уперлась в стену, резко вильнула влево, засияла полуденно-беспощадно, извела и уничтожила тени все до единой, слив остатки сумрака и прохлады на нижний этаж через колодец угловой лестницы. Спуск, поделенный на три ущербных пролета, был втиснут в кольцо малой башенки кое-как: и не винтом, и не парадным квадратом. Снизу вкрадчивым эхом шелестели охи-вздохи и шорохи столь определенные, что секретарь ненадолго проснулся и тряхнул головой, взбадривая мысли. Поискал взглядом обходной путь, слепо шурясь на открытую галерею, где жар солнца обрубал все тени, на проём близкой лестничной арки у поворота... Зоэ хмыкнула и ускорила движение, застучала каблуками по ступенькам. Внизу разобрали шаги, но, конечно же, не покинули облюбованного уголка.

– Как вам не... – секретарь попробовал оберегать благопристойность, торопливо спускаясь следом за непокорной плясуньей.

– Ты что, заразился от нэрриха чумной привычкой «какать» по всем углам? – гулко ужаснулся знакомый голос.

Зоэ хихикнула и еще быстрее пробежала последний пролет. Улыбнулась Эспаде, кивнула из вежливости и его нынешней спутнице, явно прилипшей к плечу донна где-то близ речного порта. Девушка в ответ изобразила многообещающую ухмылку и адресовала её несчастному секретарю, без спешки прикрывая шалью полную грудь.

– Куда танцуешь? – Эспада подмигнул Зоэ, хищно поглаживая рапиру и взглядом страдая секретаря, даже в крайнем утомлении помнящего: этот человек служит только королю и скандально напоминает указанную истину всем, подвернувшимся под горячую руку. – Ну?

– В часовню, грехи замаливать, – глядя в пол, сообщила Зоэ тем смиренным тоном, что недавно впечатлил королеву.

Эспада заржал, не отпуская с колена порывающуюся встать девку и не позволяя ей одергивать юбку: ну, видно колено, что с того?

– Да ты еретичка, – предположил дон Эппе, снова заглянул под шаль девки и счёл зрелище приятным. – Могу доказать. Я сам-то свят, воистину. Утром добыл себе бумагу на искупление грехов, и лишь затем купил грех, – Эспада раздвинул края шали и пальцем провел по своей покупке от шеи до нижних ребер, видимых в расшнурованной кофте. – На закате отправлюсь к духовнику, и мы обсудим мой день, пусть пускает слюни от зависти. Это называется покаяние. Искреннее! А ты? Какое у тебя есть право каяться, да еще по жаре, до заката? Ты грешила?

– Рэй, ты хуже Кортэ, – укорила Зоэ, пытаясь пройти мимо разгулявшегося пса короля. Тот нагло причмокнул губами... и положил ногу на перила узкой лестницы, целиком перегородив последнюю ступеньку. – Рэй...

Башмак у Эспады был стертый, с грязной подошвой, облепленной чем-то, весьма подозрительно выглядящим и так же подозрительно пахнущим. Зоэ упрямо смотрела на ногу, словно взглядом могла её сдвинуть и освободить себе путь. Нога не поддавалась. Пауза затягивалась и делалась неуютной. Зоэ огорченно покачала головой, отметив свежую прореху на штанах Эспады – широкую, у колена. Зашита прореха была небрежно, совсем неподходящими нитками. Эспада хмыкнул, вроде бы тоже заинтересовался штанами, даже колупнул присохшую грязь, растер в пальцах, пробуя определить: не кровь ли это? Чья, вряд ли стоило спрашивать. Разве подобные мелочи отягощают память дона Эппе?

– Что – Рэй? – наконец, прервал молчание Эспада. – Ты не грешила, хуже: ты и не намеревалась, и не покупала заранее отпущение грехов.

Дон Эппе столкнул девку с колена и разогнулся, не опираясь рукой о перила и гибко разворачиваясь на одной ноге, пока вторая продолжала перегораживать дорогу. Теперь он смотрел на Зоэ в упор и стоял к ней лицом, совсем близко, и обличал грехи с пафосом, смутно похожим на тот, что свойственен проповедям пьяного Кортэ.

– Ты намерена покаяться в том, о чем даже не слышана! Будешь лгать в каждом слове, значит, ты из нас двоих и есть еретичка. – Эспада качнулся ближе и шепнул в самое ухо, вынудив Зоэ вздрогнуть и отшатнуться. – Соблазнительная еретичка. Дурни-нэрриха не люди, если не сбежишь от них, так и не узнаешь, в чем следует каяться. Грех-то сладок, тебе хоть что-то объясняют такие слова?

– Пропусти. Это приказ королевы.

– Н-ну пропущу, если она сама попросит за вас, ага-а, – лениво растянул слова Эспада, не думая отодвигаться. – Потанцуй со мной. И тогда уж иди честно каяться, повод-то будет.

– Рэй, ты пьян.

– Трезвее обычного, – Эспада поднял руку и глянул на пальцы, как всегда – не дрожащие. Ладонь мягко шевельнулась и легла на плечо Зоэ. – Ты явилась сюда и помешала мне обзавестись избранным с утра поводом к покаянию. Тебе не стыдно?

Зоэ сердито дернула плечом, пробуя сбить руку Эспады. Затем шагнула вперед, на самую нижнюю ступеньку, ладонью упираясь в грудь дона Эппе, упрямо норовя оттеснить его.

Любимый пес короля – а иначе Эспаду мало кто звал – для Зоэ не был ни врагом, ни чужаком. Весьма часто он вечерами провожал Зоэ до облюбованного Кортэ жилища или наоборот, помогал сыну тумана попасть в хорошо охраняемый парк дворца, никого не искалечив по пути. Дон Эппе высоко ценил возможность брать уроки фехтования у нэрриха, а кроме того – сам так однажды сказал и явно не солгал – воевал он исключительно с мужчинами, желательно вооруженными и многочисленными, но уж никак не с детьми и беззащитными женщинами. Иначе, вероятно, к нему пристало бы прозвище, намекающее на менее честное оружие.

– Рэй, я просто шла короткой дорогой в часовню, – буркнула Зоэ, глядя в небритый подбородок и норовя высвободить руку, перехваченную Эспадой и помимо воли удерживаемую на его рубашке, как раз над ровно и медленно бьющимся сердцем. – Прекрати. Не скандаль там, где не следует. Сама Изабелла в гневе.

– Королева слишком умна для гнева. Ты – её любимая куколка, и она это помнит, даже в огорчении... Н-ну, вернемся к главному. Ты слышала нас еще из галереи, – не думая отпускать руку, прищурился Эспада, толкнул пальцем подбородок Зоэ, вынуждая её смотреть в глаза. – Ты опознала мой голос и решила: дорога тут короткая... и не скучная. Ты идешь каяться, самоуверенно не видя за собой вины? Так я забочусь о твоей душе и даю повод к пока-
янию, еретичка. Нэрриха не скажут, из-за их упертости и иные промолчат, а ты – что? Тихо зачашнешь, вот что. Ты выросла, почти пятнадцать, а все в девочку играешь. Площадь смотрит на пляску, и каждый мужик, даже подслеповатый старик – что? Бегом бежит каяться. Ты – мрак и ересь, ты вынуждаешь их сопеть и чесать брюхо. И не ведаешь, что вытворяешь! – Эспада дернулся, совершенно трезвым взглядом пришил секретаря к ступеньке. – Не дыши, тварюшка. Донесешь королеве? Н-ну... вряд ли, я достану тебя еще на лестнице и выпотрошу одним движением, без танцев, вот уж обещаю. Сидеть, чернильница!

Секретарь пискнул и обреченно упал на ступеньку, словно его уже проткнули. Девка закончила шнуровать кофту, поправила шаль и пристроилась рядом с «чернильницей», на одну ступеньку ниже. Эспада кивнул ей. Рыжая добыла из кармана кастаньеты, шмыгнула носом и принялась прощелкивать несложный ритм – без особого рвения, но вполне точно.

– Грех так устроен, – снова шепнул в ухо упрямый королевский пес, вынуждая Зоэ краснеть. – Коготок увяз, вся птичка – в суп... ты сама спустилась сюда, я польщен. Чертовски приятно сознавать, что именно я и именно сегодня буду выковыривать из ссохшейся шкуры куколки взрослую бабочку. Ты ведь никогда не танцевала с мужчиной? Зоэ, я прав и я пьян, вечером куплю еще девок и ворох прощений грехов, впрок. Так мы танцуем?

– Рэй, ты свински наглый пес.

– Я голодный пес, оттого и наглый. Хочешь, провожу и буду каяться за нас двоих? В часовне теперь тихо и уединенно...

– Вот еще! Пропусти.

– Танец мой, решено.

– Ты что, стерег тут?

– И давно, – шепнул королевский пес в ухо, почти касаясь губами кожи. – Решайся. Это не больно, и папочке Альбе можешь не признаваться, он все равно не поймет, нелюдь. К тому же я не лезу тебе под юбку. Руку не убирай. Нельзя танцевать, отделяясь. Танец – это очень тесная близость.

– Рэй!

– Что?

Зоэ еще раз попробовала высвободить руку и обреченно вздохнула. Вскинула голову и сама, более не пряча взгляд, посмотрела в темные глаза Эспады, мелкие и хищные. Наполненные такой ересью, что голова кругом и дрожь по спине от одних лишь домыслов... Дон Эппе отпустил запястье, отмеченное пятнами следов его жестких требовательных пальцев. Сам чуть оттолкнул Зоэ и принялся вытягивать низ рубахи из-под широкого пояса. Зоэ отметила мельком: свежий шов на подоле, опять дрался и штопал... Сам. И кожу, и ткань. Слуг у Эспады нет: то ли деньги спускает слишком быстро, то ли страх нагоняет и того скорее.

– Прекратите, – пискнул секретарь и затих, когда рыжая облокотилась спиной на его колено.

– Рэй, а ты хорошо знал Ноттэ? – отчего-то спросила Зоэ, наблюдая, как рубаха летит в угол. – Говорят, ты заказал себе эсток на юге. У Ноттэ ведь был именно эсток.

– Не эсток, а саблю, и не на юге, а здесь, и не заказал, а взял даром у Абу. Н-ну... приступим! Могла бы хоть охнуть, – упрекнул Эспада, укладывая на ступеньки оружие. – Или попробовала б сбежать вон туда, вверх по лестнице. Зоэ, ты уже танцевала с кем-то?

– Ты пес, а не змея. Кортэ – твой намордник, да и Альба тоже, – мстительно сообщила Зоэ, рассматривая смуглую кожу голого по пояс дона Эппе, прослеживая взглядом два крупных светлых шрама, на груди и на боку. – Ты что, надумал учить меня танцу? Всерьез?

– Я бы и прочему научил, – пообещал Эспада, глядя в упор и снова силой укладывая узкую ладонь себе на грудь. – Ближе. Ты для кого дышишь, мы ж танцуем, а мне даже не тепло. И тебе еще не в чем каяться. Ближе. Пока что ты хуже шлюхи: ни души, ни опыта. Еще раз отведешь глаза и дернешься назад, вспорю платье от горла до подола, вот здесь, чтобы стыд помог тебе наступать, пряча прореху, а не отодвигаться, давая всем её рассмотреть.

Зоэ глядела в темные глаза и едва решалась дышать старым перегаром, чесноком, дорогой восточной отдушкой на масле, кислым молодым вином, потом, подгнившей рыбьей чешуей, речной водой и еще неведомым чем, что в смеси и есть – нынешний чуть пьяный Эспада. Сердце отчаянно колотилось в ребра, норовя выломать брешь и сбежать, ему было страшно от неведомого и внезапного. Зоэ, не слушая трусливое сердце, сделала один крошечный шаг вперед, уперлась подбородком в смуглую кожу возле ключиц королевского пса. Эспада не воевал с детьми, но он воистину был – пес, и это Зоэ помнила накрепко. Псы не рвут только тех, кто их не боится, однако же довольно на волос дрогнуть, на миг выказать смятение...

– Я расскажу тебе главное, – одобрительно усмехнулся Эспада, отступил на полшага и медленно, очень медленно начал вести вверх трепещущие, легкие руки, неизменно остающиеся в полудлони от боков Зоэ. Крепкие пальцы плели узор танца, не касаясь кожи, но тепло Зоэ ощущала. Тепло и дыхание, вместе они рождали мучительную и сладкую нутряную дрожь. Эспада снова зашептал: – Пес – не то слово. Увы для нас, мы все быки на площади. Увы для вас, почти все девки – тряпки. Красные тряпки... Мы бросаемся, не замечая подвоха – и рвем тряпки, и топчем, и нет нам радости, одна злоба да жажда. Пустота за тряпкой, а мы-то ждем иного.

Жар крупных ладоней, не касающихся даже ткани платья, вопреки всему ощущался кожей с каждым мигом полнее и плотнее, и оттого голова кружилась, глаза норовила закрыться, пряча неведомое во тьме... Зоэ закусил губу, стараясь не дышать, запретив себе слабость. Затем тряхнула головой, решительно и глубоко вздохнула, качнулась вперед и оживила пальцы рук, окончательно принимая вызов и впуская танец в крошечный тесный мир, половину которого занимал Эспада.

Явь нелепо вывернулась, замкнулась как-то иначе, отделила танец от всего постороннего, вышвырнула его из привычного бытия в иной, неведомый круг.

В ушах зазвенела невесть откуда рухнувшая тишина, разбитая на дольки ударами кастаньет. Маленький закут у лестницы перестал существовать, рассыпался обрывками ткани мира. Всюду томила пустота, пронизанная глухим ночным безветрием. Таким чуждым и давящим, что Эспада уже не вызывал опасения, он теперь стал – единственной преградой мертвенной пустоте. Только в его дыхании еще и жил настоящий ветер...

– Южный, – одними губами шепнула Зоэ, уже без трепета делая новый шаг, чтобы плотнее прильнуть к живому, утвердиться в опасной пустоте. – Будь ты нэрриха, звался бы, пожалуй, Сефе. Зефирий...

Собственные руки взметнулись крыльями, готовыми смять пустоту и нарушить тягучий рисунок приготовления к танцу, где первые шаги лишь создают настрой. Зоэ закинула руки дальше за спину, прогибаясь и поворачиваясь, чтобы сперва лечь на стиб локтя Эспады, а затем спиной прильнуть к теплу его груди – как к стене, ограждающей от чуждости.

Сознание вспорхнуло роем птах, ни одна мысль не давалась в руки, обтекая их и пребывая в постоянном, настороженном движении.

– Увы для быков, – шепнул в ухо Эспада, но голос его прозвучал глухо, будто издали: – Иногда мы нарываемся на вас, держащих красную тряпку, вооруженных, играющих с нами.

Вы доводите нас до иступления и рвете нам сердце. Затем уходите под крики восхищенной толпы, ведь вам вся жизнь – танец, а быки-то умирают.

– Почему так пусто? – ужаснулась Зоэ, но слова не пожелали выговариваться, тьма глотала звуки, тьма впитывала их, оставаясь лишенной движения.

Зоэ более не видела ни лестницу, ни секретаря, ни девку, которая так же старательно и бестолково брякала старыми, дающими надтреснутый звук «каштанками», дешево сработанными из какого-то не очень плотного дерева. Тьма обступала и казалась густа, она душила, норовила связать. Но – не могла. Зоэ негромко рассмеялась, осознав: чуткость к ветру по-прежнему при ней, и никакая тьма не лишит плясунью дара быть солнцем, то есть прямо теперь – единственным светочем тесного мирка, обреченного без неё прозябать в вязком безветрии.

Ладони у Эспады были горячие, двигался он безупречно и даже, пожалуй, вдохновенно. Но создать в пустоте хотя бы эхо, изгнать мрак и наполнить жизнью самую малую область вывернутого мира мог только настоящий сын ветра. Зоэ понимала это и выстукивала невидимый пол звонкими подковками подошв, словно звала... но отклика не получала. Вдруг пришла мысль: ветер и огонь слабы друг без друга, ветру не хватает тепла, огню – дыхания, поодиночке им не одолеть холодную пустоту. Сейчас всё вдвойне худо: недостает и ветра, и огня...

Отчаяние нарастало, руки метались, оттесняли мрак – и вязли в нем. Все было безнадежно, пока не шевельнулось на плече – а может, даже под кожей? – нечто невесомое, но важное. Тьма отшатнулась, звук впервые проник в пустоту. Нечто вздохнуло, уютнее устраиваясь в тесном мирке, заполняя его, гладя волосы, перебирая пряди... И пространство стало пригодным для пребывания. Эспада обрёл сходство с настоящим сыном ветра, от его танца жар так и лился с юга, с родной его стороны...

Зоэ обратила лицо к теплу, ощущая в волосах струйки ветра, как пальцы... улыбнулась и замерла в полноте сбывшегося танца, в спокойной усталости завершённого дела.

– Все, я труп, – прошептал Эспада и рухнул на ступеньку.

Зоэ с удивлением осмотрелась, балансируя руками. Не нашла опоры и обняла дону Эппе за шею. Тот оттолкнул, и пришлось искать новую опору – перила лестницы, фигурку птицы на самом их краю. Вцепившись в шею птицы, Зоэ пережила миг выворачивания мира, на сей раз в обычность: сполна осознала лестница, пыльный полумрак... Вон рыжая девка, она, не унимаясь, тюкает кастаньетами. А вот и секретарь королевы, он сидит и изнывает, не имея мужества улизнуть и донести Изабелле о происходящем. А еще, гниль такая, тайком шупает рыжую за бок.

– Рэй, а куда мы провалились? – нахмурилась Зоэ, припоминая холод, тьму и пустоту. Танец отнял многовато сил, теперь это сделалось очевидно. Пришлось нащупать стену, прижаться плечом, оседая на ступеньку. – Необычно получилось – вдвоем. Ты действительно научил меня новому.

Эспада сидел, устало повесив голову ниже плеч. Он нехотя выпрямился, потянулся, блеснул упрямой улыбкой. Стало видно: лицо его осунулось, волосы на лбу слиплись, мокрые насквозь. Кожа лоснится от пота, даже пояс штанов стал темным по краю. Зоэ всмотрелась внимательнее и убедилась: да, танец утомил дону Эппе, его скулы обозначились резче, губы утратили цвет, стали вовсе серые. Пальцы – первый раз Зоэ увидела такое у дону Эппе – дрожат...

– Ты опасна, – королевский пес задумчиво повел бровью. – Ни бой, ни девки в самых неразумных количествах не изматывали меня и вполтину так, как... наш танец. Я упирался, как мог, но толку было не больше, чем от сопротивления колоса – серпу. Еретичка, танцуй одна. Первый раз признаю поражение... и рад. Эй, рыжая, лови.

Эспада нащупал кошель, добыл несколько монет и кинул девке. Тяжело вздохнул, вытер лицо смятой рубахой. Немного постоял, удерживая в дрожащей руке оружие в ножнах, как палку. Снова улыбнулся Зоэ.

– До чего ты довела меня! И рад бы согрешить, а танец выпил силы, окончательно. Весь я погас и, хуже, протрезвел. Н-ну, пойду молиться. Славное дело, мордой в пол, на коленях... отдых. – Дон Эппе спотыкающейся походкой потащился по ступеням вверх, замер, пройдя первые пять, обернулся, нахмурился. – Что ты бубнила о южном ветре?

– Он родня тебе, – припомнила свои ощущения Зоэ. – Точно, да... Это что же получается: люди, хоть бы некоторые, немножко нэрриха?

– Тот, кто решится на танец с тобой, должен быть дурнем, и на всю голову, даже если он целиком нэрриха, – буркнул Эспада и отвернулся.

Зоэ поглядела на секретаря, рассеянно озирающегося и трущего в пальцах прядь волос рыжей. Постояв еще немного, пока было слышно, как Эспада шаркает по лестнице и ругается вполголоса, Зоэ дернула плечом и зашаркала в сторону часовни. На ходу она сказала в никуда, стене, что провожатые ей не требуются. Рыжая хихикнула, завоzilась, прибирая звякающие монетки и что-то многообещающе шепча секретарю.

Брести по полутемному коридору нижнего этажа было прохладно, тень казалась приятна взгляду, редкие косые конусы света от высоких узких окошек обозначали дорогу и выглядели столпами духовной Башни: бесплотными, но такими очевидными и яркими... Вот только – увы – с каждым шагом наваливалась, сполна давая себя оценить, непосильная усталость. Ноги подкашивались, пот заливал глаза. Танец, оказавшийся слишком странным, запоздало мстил плясунье. Шаги делались все короче, и наконец Зоэ сдалась и сникла у стенки, на полу. Сперва села, а затем легла, прижимаясь лбом к холодному мрамору, ощущая себя той самой тряпкой, упомянутой Эспадой – затоптанной, ветхой.

– Прирежу всех, – без намека на стихи пообещал знакомый голос. Говорил Альба так встревоженно и искренне, что сердце защемило. – Так, обними за шею, крепче держись. Отнесу домой и запру, и никаких танцев. Я бываю строг, вот увидишь.

– Аль, – едва слышно выдохнула Зоэ, улыбнулась счастливой детской улыбкой и провалилась в сон.

Там было глухо и мрачно. Дворец во сне тоже имелся – но словно бы вымерший. Зоэ бродила по пустым галереям, вслушиваясь в мертвую, опасную тишину. Из-за окон в залы затекал серый свет, какой-то мертвый, жидкий. Сами окна были высоко, не заглянуть в них, не понять: то ли солнышко вылиняло, то ли ночь побледнела... Зоэ шла и шла, упрямо закусив губу и поочередно заглядывая во все двери. Вслух звать людей она не решалась. Оборачиваться и оглядываться тоже казалось нелепо.

За спиной – Зоэ не видела, но отчего-то точно знала – крался зверь. Чудище, повзрослевшее и вылинявшее из шкуры тех мелких страхов, что таятся в тенях и пугают детей, а поднатыжившись, и взрослым внушают опаску. Этот зверь заматерел и отяжелел, откормился сочными кошмарами, напился спекшейся крови ночных бед и стал велик: бесшумнее мрака, сплошь сотканный из ужаса, готовый проглотить всякий крик и еще вырасти, питаясь плотью растерзанной отваги. Зверь подкрадывался, спину щекотал ледяной пот, и хуже всего было то, что зверь даже не дышал... Зоэ шла быстрее и быстрее, срывалась в бег, ощущала себя мухой, все более вязнущей в липкой паутине неопределенности. Она двигала ногами, она всем телом налегала, рвалась вперед – и не ощущала свободы движения, словно стала куклой на нитках, покорной, обреченной исполнять чужую волю. Весь мир вокруг – он фальшивый, он чья-то игра. Или хуже: ловушка!

На полу в некоторых залах валялись безделушки – платки, веера, монетки, черные четки, похожие на связку высохших жуков... Некоторые вещи были почти цветными и еще имели

тень, иные вросли в серость и стали едва различимы, пустота высосала из них суть, как мозг из вываренной кости.

Зоэ продиралась сквозь бесконечный дворец, стены которого сделались так тонки, что пустота выгибала их извне, уродовала, сминала. Поверхность дверей лопалась под пальцами старой паутиной, она была на ощупь – тончайший иней, она стекала с горячих рук каплями нервной дрожи... Зоэ спешила, из последних сил надеялась уйти, покинуть дворец, вырваться... Но уперлась за очередной дверью... в ограду балкона.

Стало окончательно плохо: впереди пропасть, под рукой обжигающе-ледяной мрамор, в спину давит упругая пустота. Серый свет сочится отовсюду, как болотная жижа. Серый свет заливает глаза, он страшен, как и окружающее беззвучие.

Желание сдаться, признать пустоту – непобедимой, растёт в душе, понуждает сесть, обхватить колени руками, сжаться, окончательно стать маленькой беззащитной девочкой, не способной бороться с тем, что захватило дворец и справилось с иными людьми, взрослыми и многочисленными. Как же спастись ей – последней? Проще скукожиться, делаясь незаметнее, и остыть на ледяном мраморе, утратив даже тень, чтобы в какой-то момент исчезнуть. Чутье подсказывает: именно так сгинули иные пленники жуткого места...

Зоэ прокусила губу до крови, упрямо вытянула руку и раскрыла ладонь так, как бабушка учила давным-давно, в полузабытом счастливом и простом детстве.

«Твоя рука – цветок, из тугого бутона сжатого кулака он распускается, почуяв рассвет, начало танца. А затем прячется вновь, чтобы еще и еще раз улыбнуться солнышку... бережно раскрывай лепестки пальцев, плавно, они – живые. И ладонь твоя не пуста, она чашечка с нектаром пьянящего танца, знай это, чувствуй вес танца и силу его роста, радугу радости-росы и аромат вдохновения, подобный пыльце. Соцветие ладони медоточиво и притягательно, только так! Иначе ни единая пчелка не почтит лепестки прикосновением»...

Удерживать руку делалось все сложнее, серость наваливалась со спины, сгибала. Позади тишина так разбухла, что Зоэ не сомневалась: там нет уже и самого дворца, зверь пожрал его. Слизнул каждый след, заглотил все мелочи – веера, монетки, шейные платки, жучки четок. Теперь зверь притаился за спиной. Огромный, он безмолвно навис и острым клинком взгляда трогает кожу, примеряясь взрезать – и пронзить душу насквозь. Не решается нанести последний удар пока лишь потому, что след недавнего танца еще не остыл, он излучает надежду.

Зоэ снова раскрыла цветок руки, хотя пальцы свело судорогой... Хотя серость затуманила зрение.

Глаза уже не смогли увидеть того, что коснулось ладони. Оно было слабым, невесомым, едва способным двигаться. Оно нуждалось в нектаре вдохновения. Зоэ заставила губы улыбнуться: самый последний цветок в пустом мире все же дождался гостя. Щекочущее ощущение оживило руку, неодинокство помогло спине выпрямиться. Зоэ слизнула корочку крови с прокушенной губы и, преодолевая сопротивление давящей пустоты, стала оборачиваться к страху. Ну и пусть за спиной пропасть. И даже если мрамор перил исчез – пусть! Кем бы, чем бы ни был зверь, Зоэ теперь желала увидеть свой страх, глаза в глаза. Она отказалась убежать!

Серый туман сник у ног кудлатой шкурой чудища. Сделалось возможно поверх лохматых волокон увидеть море, гладкое, как атлас королевского платья. Складочки волн одна за другой сминались и расправлялись под дуновением любимого ветра. Солнце сияло безупречным алмазом... Ладонь по-прежнему щекотали крошечные лапки, Зоэ захотела перевести взгляд, рассмотреть то, что согрело руку – и проснулась.

– Аль, – улыбнулась Зоэ и крепче сжала ладонь названного брата, сидящего на краю кровати. – Какой был сон гадкий, но я молодец. Правда. Я не испугалась. Почти, то есть сначала даже очень, а потом – ничуть.

Рядом раскатисто захохотал Кортэ, брякнул чем-то и придвинулся ближе: рыжий, крупный и такой довольный, что последние страхи растворились, сгинули. Сын тумана снова рассмеялся, щелкнул Зоэ по носу, перегнувшись через плечо Альбы... и пропал, ушел. Зоэ вцепилась в руку Альбы обеими ладонями, обняла её и устроила под щекой.

– Ты никого не боишься, это неправильно, – вроде бы отругал нэрриха. – Даже Рэй сказал, что ты непостижимо смелая. Он заходил, принес виноград и еще красную шаль. Сказал, ты поймешь.

– Он сам-то как?

– Вчера он мучительно бредил, сегодня вздохнул облегченно, – задумчиво сообщил Альба. Шевельнул бровью. – Свет мой, ведь ты не пустотопка. Утанцевала бедолагу в единый миг так, что он по сю пору от вина отказывается. Руки дрожат.

– Пройдет, – виновато понадеялась Зоэ.

Кортэ вымерил шагами комнату, бесцеремонно отпихнул Альбу и рухнул возле изголовья, в обычной своей грубоватой манере чертыхнулся, велел не притворяться больной и садиться. Сам бережно поддел под шею и поднял, сунул в руки чашку с крепким бараньим бульоном. Это кушанье сын тумана перенял у Эспады и находил, после доработки рецепта, наилучшим. Сегодня он наверняка сам готовил для поправки здоровья: кто бы еще накрошил столько зелени и намешал столько южных пряностей?

– Это не еда, а духи, – заподозрила Зоэ, приняхиваясь и чихая.

– Как же! Ты пей, а не нюхай, – в тон отозвался Кортэ. – Я залил в Рэя две миски, он сперва булькал и вякал, но потом вспомнил, что в мире есть женщины. Так и сказал. Мы славно обсудили, что можно и нужно делать пьяному нэрриха с моим воспитанием в порту, ночью...

– Прекрати портить ребенка, – тоном заправского папаши Альба отчитал учителя.

– Ага, испортишь её, как же, – снова заржал Кортэ. – Немалый мешок золотишка отдал бы, чтоб глянуть, какую забористую ересь они выплясывали с Рэем под лестницей, если секретарь Изабеллы до сих пор не найден. Загулял, последний раз его видели утром в порту, с тремя девками в обнимку, во как проникся мыслями о смысле жизни... Допила?

Зоэ кое-как проглотила последнюю порцию чудовищно жирного бульона, похожего на сплошное топленое сало. Кивнула, едва сдержав рвотный позыв. Отдышалась и жалобно глянула на Кортэ, веселого и безжалостного. Рыжий уже приготовил новую чашку, заметил интерес во взгляде больной и кивнул: да, это вкусности, присланные послом Алькема. С чего бы послу грузить сладкое в емкости, похожие на бочки, а не на чашечки, Зоэ даже и не пыталась сообразить. Она жевала, облизывалась и чувствовала себя счастливой. Ярким золотым днем набивать брюхо впрок, да при двух нэрриха, да в знакомой комнате – это так надежно, так обычно и основательно-мирно, что хотелось продлить удовольствие.

Чувствуя себя липкой и сладкой с головы до пят, облизывая пальцы, капая медом на одеяло, Зоэ жевала, давилась, хватала новые куски, кивала смешному в своей суетливости Альбе, предлагала тащить шербет и мороженое, того и другого побольше.

– Лопнешь, – робко упрекнул безотказный «папаша».

– Ло-опну, – блаженно прижмурилась Зоэ, вспоминая иной и не менее прекрасный день, когда она, спасенная Ноттэ утопленница, сидела в каюте «Гарды», лучшего люгера всей Эндэры. И первый раз за свою жизнь была сыта. – Мне еще Ноттэ так говорил, а я не лопнула! Я вместительная, – Зоэ похлопала себя по животу и рассмеялась, ощущая жар сытости и головокружение счастья. – Аль, как там дело с лошадкой?

– Три синяка, ссадина и вот, след от хлыста, – вздохнул нэрриха. – Это меня маэстранте, назвал уродом и проклятием для коней.

– Ты угощал лепешкой?

– Ах, да, еще укус, – криво усмехнулся Альба, отдернул манжет и показал руку.

– По носу бей, – привычно предложил Кортэ, покосившись на крупный синюшный след зубов. – Как ты допустил? Ты нэрриха, значит, ты быстрее. Пусть боится.

– Лошадь бить хлыстом хвостатым из-за собственной ошибки? – виновато вздохнул Альба и спрятал укус под тканью.

В комнату без шума скользнул дон Вико, словно отозвавшийся на мысль о люгере. В необычной для этого громогласного и непререкаемого моряка манере огляделся и плотно прикрыл дверь, кивнув спутнику, которого оставил в коридоре стеречь покой. От порога Вико прошел к кровати и бросил на столик у изголовья связку сушеной рыбы.

– Для безделья, – пояснил он Зоэ, пристраиваясь на стуле. – Самое то, жевать да облизываться. И вкусно, и опять же – вроде занятие, хотя бы и для зубов... Альба, не считите за труд, постоите у оконца, дует, штора вон как ходит.

Нэрриха молча исполнил нелепую просьбу, выглянул в окно, прикрыл створки и остался стоять у неподвижной шторы, посматривая в парк. Кортэ без всяких указаний прошел к камину, сел на коврик и принялся шуриться и посвистывать. Зоэ настороженно повела плечами: она знала и причину раздражения рыжего нэрриха, и смысл его свиста. За звуком Кортэ прятал большую работу, едва посильную при его опыте: следил, чтобы ни в чье ухо шальной ветерок не донес отголоски разговора.

– Что случилось? – шепнула Зоэ, не надеясь на честный ответ.

– Ничего страшного, – немедленно соврал Альба.

– Ты бы стих сплел, будь все ладно!

– Девку, что видела танец, я поискал, уж всяко я знаю людей в любом порту, пусть даже и речном, – негромко сообщил Вико, не поднимая взгляда и излишне усердно выбирая из миски мелкие кусочки сладкого. – Как Эспада и сказал: рыжая, кличут Тэто, ошивалась близ гостерии «Рыбий хвост». Одета была в черную юбку и светлую кофту, новую. На шее медальон с буквой «Т», и второй – серебряный образок святого Аввы. Вроде, нет ошибки.

– Нашел? – уточнил Альба.

Вико кивнул, ссыпал с ладони сладкое... и принялся придирчиво выбирать более крупные куски, косясь на Зоэ и хмурясь. Молчание затянулось, Кортэ выругался и велел «вываливать кучей, как есть и со всей вонью», потому что присутствующие, хотят они того или нет, в этом самом увязли – аж по уши.

– Если бы её просто зарезали, я бы и не обратил внимания, ремесло гнилое, да и Эспада – тот еще спутник, ему полгорода тайком нагадить не прочь, – поморщился Вико и снова ссыпал сладкое с ладони, и отряхнул руку. – Вчера её уже никто не видел. Я дал родне денег и велел поднять шум, потребовать разбирательства. Искали, все было зря... Пока тело не подбросили, словно в насмешку, к самой гостерии. Кто и когда в точности, после заката или уже к утру ближе – не ведаю. Дальше и того чуднее дело закрутилось: девку спешно схоронили, и не абы кто, расстарались чернорясники. Объявили, что руки на себя наложила, что грех несмыываемый и надо упокоить тело вдали от столицы.

– Скорбящие Души? – быстро предположил Кортэ.

– Если бы. Десница Света, и не спрашивай, откуда они в столице взялись немалым числом, почему вдруг полезли в дело прежде всех. Тело я видел мельком, но хоть так, все ж успел. Что скажу? Очень редко люди кончают с жизнью, перерезав себе горло от уха до уха.

Зоэ охнула, припомнив девку. Та щелкала старыми деревянными пластинками, была веселая, лгнула к ноге секретаря... и деловито убрала золотой в кошель и была днем. От мысли, что рыжей больше нет, сделалось зябко, отпустившая было ночная пустота вновь навалилась, потянула – и нехотя отступила в тень.

Капитан Вико хмуровато улыбнулся.

– Видишь, как все непросто выходит... Пока ты бредила, Кортэ едва душу из Эспады не вытряс. Тот поднатужился и припомнил, что плясать с тобой вроде и не собирался. Выпил лишку, об заклад побился, а иногда азартный спор ему – что нашему Кортэ самородного золота мешок. Первейшая, значит, приманка.

– Как это – вытряс? Разве что чуток его подушил, – повествовательно сообщил Кортэ, – он сперва хрипел, а после забулькал о дельном. Припомнил, что вино ему подливала рыжая, и спорщика за стол она же кликнула. Я поверил. Рэй хоть и говнюк, но умней своего вида: пьет не до беспамятства, а трезвый не спорит по глупостям. Выходит, подпоили королевского пса, и весьма ловко. А после спохватились, вовремя нашли девку и помешали нам спросить о деле, с порезанным-то горлом не разговаривают.

Стало тихо, и надолго. Кортэ заглянул в камин, словно там мог сидеть злодей и подслушивать. Не найдя простого и глупого врага, сын тумана огорчился, нахохлился и снова засвистел, досадливо хмурясь. Из всех суеверий – Зоэ знала – рыжий нэрриха всерьез опасался именно пустого свиста, якобы приводящего к растрате денег. Но все же без перерыва свистел... То есть дело зашло далеко, и оно – не денежное, а жизненное.

– Бредил Рэй до того, как ты... придушил? – Зоэ испугалась за приятеля.

– До, – задумчиво кивнул Кортэ. – Я вломился к нему зверски злой, хотел убить, а пришлось звать лекаря. Вико наговорит тебе, вот пустозвон, хоть и капитан! Как он ослабил меня, аж противно... Не душил я гнусного пса! Супом поил, это да...

– Пока Рэй не захлебнулся, – догадалась Зоэ.

– Мы помирились, он еще оказался мне жизнью обязан, мы потрепались вволю и не без пользы, обозначилась причина бед, – вздохнул Кортэ. – Я думал, найдем девку – и делу конец.

– Но зачем было спор-то затевать? Ну, я про Рэя и танец...

– Разве танец у тебя вышел по-обычному?

– Н-нет...

– Пустотопкой ты назвала себя вслух, – вздохнул до того молчавший Альба. – Это знали я, подслушавший нас слуга и его наниматели. Сперва мы полагали, что утрата дара могла вызвать спешную проверку, Изабелла склонна не доверять слухам.

– Королева мне враг? Ну вот еще!

– Мы обдумывали любые возможные причины случившегося, исходя из известных нам последствий и не имея других сведений... Она тоже была под подозрением, такие уж мы негодные подданные, – кивнул Вико. – Я прорвался к её величеству полчаса назад, в грубую пролез. Порассказал то, что здесь повторяю. Теперь секретаря разыскивают уже всерьез, в деле багряные братья нашего погрязшего в святости Кортэ, вся кодла доверенных людей королевы, сэрвэды патора и еще прорва разномастного народу. Только за жизнь секретаря я не дам и медной монеты... Но, если танец был не случайным, если не королева его подстроила, проверяя твои слова, тогда кто враг?

– Хозяин пустоты, – шепнула Зоэ, кутаясь в одеяло и жалобно глядя на Альбу. – Тот зверь из сна... Я думаю, у всякого зверя, идущего по следу, имеется хозяин.

– Одеяло не спасает душу от оледененья... – Альба сердито тряхнул головой. – Дались мне эти стихи! Дара нет, но есть упрямство... Зоэ, сядь поудобнее и толком расскажи, очень подробно, что за зверь, какая такая пустота и почему ты сказала после танца, что куда-то провалилась?

– А что видел Рэй? Он рассказал?

– Как же! Попробовал бы он не рассказать мне, – от возмущения Кортэ перестал свистеть. – Ничего необычного... для этого дурня. Он твердил, что мужчины быки, что сам он ощущал себя в танце именно быком, ломящимся всадить рога в красную тряпку. Утверждал, что из танца уйти не мог, остановиться тоже не мог, и ему, чудом выжившему, отныне жаль

быков настолько, что впредь он намерен жрать лишь рыбу и баранину. Ну, от баранины я его малость отвадил... супчиком.

Рыжий нэрриха усмехнулся, потянулся всласть и до хруста, обретая обычное свое настроение. Потянул носом – и пошел звенеть бутылками и кувшинами в углу, выбирая годный для нынешнего случая сидр. Зоэ насторожилась: сколько она прилагала сил, чтобы Кортэпил поменьше и не буянил ночами, но, увы, приходится признать, все впустую.

– Что видел секретарь и почему ушел с продажной девкой, мы едва ли узнаем. Её пояснения тем более не получим, – вздохнул Вико. – Кортэ, мне тагезский выдержанный, в глиняном кувшине с клеймом Альваро, как и прошлый раз. А ты, Зоэ, не отвлекайся и говори толком. Мелочей в этой истории пожалуй нет, начни с того самого мига, как рассталась с Альбой. И далее – по шажку. Давай.

Возражать капитану не было ни сил, ни повода. Зоэ кивнула, сутулясь и заранее страдая от необходимости повторно переживать танец и сон со всей их невнятной, безголосой угрозой. Слушали её рассказ молча, внимательно. Едва Зоэ смолкла, Альба первым, на правах младшего, высказался об услышанном.

– Королева в черном с молитвенником? Может и дурное настроение, но вдруг тут кроется иное? Поговорила с кем-то, воспользовалась некоей помощью, а позже ей стало худо. Пустота, знакомая тебе, навалила – и набожная Изабелла вспомнила знакомый с детства путь спасения через молитву. Тебя отослала к Льемскому столпу, тоже необычное решение.

– Я займусь самым внятным следом. Как же, Десница света – премилая обитель! Они еще не знают, сколько может наломать такой паломник, как я, – Кортэ направился было к двери, но резко обернулся, передумав. – Вико, какого черта ты еще на берегу, кстати уж спрошу, пока не уехал... Вы ж еще весной должны были уплыть на запад.

– Подтверждаю слухи: их величества повздорили, и в итоге королевского скандала мы лишились двух кораблей. Бертран Барсанский, увы, счел поход любимой игрушкой Изабеллы, которую и пожелал испортить, – вздохнул капитан. Улыбнулся. – Тогда её величество изволили впасть в бешенство, назло мужу заложили коронационный подарок Бертрана ростовщикам, ненавистным и ему, и совету грандов. Собственно, я прибыл в столицу, пытаюсь понять: скоро ли наш славный король попробует поджечь порт, мстительно усугубив проблему займа... Так он заодно дал бы себе удобный повод устроить погром в квартале золотых сундуков.

– Глупости сплошные, но Бертран, хоть и король, а порой бывает азартнее и дурнее меня, – возмутился Кортэ. – Как-то всё дерьмовато... Вико, ты останешься в столице дней на пять? Я туда и мигом обратно, проведу обитель. Альба младенец, трудно ему одному беречь нашу Зоэ.

– Буду всеми силами тянуть время и ждать, – кивнул капитан.

Кортэ удовлетворенно хмыкнул, залпом допил сидр и покинул комнату. Зоэ проводила взглядом рыжего нэрриха, нехотя призналась себе: она крепко завидует! Вот-вот Кортэ взнуздает резвого коня и помчится живым веселым ветром на север, учинять непогоду в чужой обители. А ей придется сидеть, снова и снова припоминать подробности, отвечая на вопросы. Потолок серый, шторы плотно прикрыты, в комнате сгущается духота. Драгоценные алькемские ковры, дар посла, так воняют южными ароматными маслами, что виски ломит...

Лишь к вечеру Альба решительно выпроводил Вико и впустил в комнату дедушку Челито, суетливо бормочущего о том, как важен отдых и сколь полезен сытный ужин. После еды Зоэ еще немного посидела, шурясь и улыбаясь, слушая перебор струн виуэлы.

Альба нечасто пел чужие стихи и еще реже – свои, он предпочитал музыку без слов или перекладывал на удобный лад молитвы. Длинные пальцы брата за прошедший год словно бы еще более вытянулись и похудели, они двигались по грифу стремительно, точно. В открытое окно – наконец-то это возможно! – тек вечер, наполнял комнату запахами срезанной травы,

цветущих близ домика роз и узловатого ствола можжевельника, добытого Кортэ еще утром. Рыжий нэрриха в суеверия, по его собственным словам, «ни черта не верил». Но приболевшей Зоэ немедленно доставил пахучую корягу, якобы изгоняющую всякое зло и опасную даже для привидений.

Альба играл простенькие мелодии, стилизованные из крестьянских песен приморского юга. Звук то накатывался, то отступал, то звенел, то едва шуршал – как волны спокойного моря. Зоэ прикрыла глаза и попыталась вспомнить, какое оно – море, любимое с первого взгляда и, увы, недоступное теперь для королевской плясуньи, обязанной жить во дворце.

Море – зеркало, отражающее ветер во всех его проявлениях. Море – шелк полога, скрывающего душу мира, непостижимую, как глубины. Море – средоточие движения и перемен, оно отрицает пустоту самым своим существованием наполненной чаши...

Утром Зоэ долго глядела в окно, на гладкое блюдо неба, поставленное боком, обтекать от жирной корочки рассвета. На душе было светло, губы норовили сложиться в улыбку – ночью снилось море, голоса ветров шуршали, окликали. Жаль лишь, что даже во сне море было далеко и голоса – тоже.

– Аль!

– Недалече он, ты не страдай, – отозвался старый Челито, скрипнул стулом и зашаркал к кровати. – Выпей вот, я навел с медом, сладенько. Нелюдь твой ушел кормить лошадку. Рыжий-то, тот что навроде абордажного крюка во все вливается, науськал его вечёр: не унижаться, мол, покуда своего не заполучит.

– Вкусная вода... Зачем ты зовешь моего Альбу нелюдем, дедушка? – осторожно укорила Зоэ. – Аль хороший, он семья мне, как и ты.

– Много ли он в жизни-то разумеет? – привычно посетовал старый моряк, принимая кубок и устраиваясь в кресле. – Неразумный, невзрослый, весь прок от него – что струны дергает да рапирой страшает мирный люд. Разумения нету. Да хоть вот нынешнее дело: учудили непокой, всех поразогнали, слуг королевских запугали... А кто нам первый благодетель? Кто славному дому хозяйка? Я-то помню всяк день и лампы в храме зажигаю: её величество поминаю, здоровья испрашиваю для них. Уж спасибо им, милостивая душа, с понятием. А нелюди – что? Пустые они. Суета их бестолковая... Зазря нагнали страху, ведь под рукой самой владельницы Атеррийской и всяя Эндэры нет бед для тебя, внушка. Так и знай: токмо польза.

– Секретаря нашли? – самый опасный вопрос Зоэ задала шепотом.

– Сам явился, повинился, прощение обрел, – кивнул Челито, и загорелое лицо прочертили темные складки улыбки. – Всякое бывает, порт – он иной раз и святому жабры встопорщит.

Зоэ хихикнула, представив сухого серенького секретаря в водорослях, с жабрами, да еще «встопорщенными». Воображение ловко нарисовало кабинет и умницу Бэль в строгом черном платье, и испуганного секретаря... воображение подсказало, как он без звука разевает рот, глядит мелкими глазенками на королеву, в холодном гневе более опасную, нежели любой шторм.

Продолжая хихикать и пожимать плечами, Зоэ дождалась, пока Челито выйдет, выскользнула из-под одеяла и принялась драть костяным гребнем кудри. За время жизни во дворце, повинаясь похожему на приказ совету королевы, плясунья ни разу не укорачивала волос, и теперь они плащом укутывали тело, спускались по бедрам. Зоэ неодобрительно продрала самые длинные пряди, подозревая: еще год – и дотянутся до колен... Второй совет королевы она дерзко нарушала каждый день, если не шла плясать на площадь. То есть волосы распущенными не оставляла, сплетала в свободную косу, прихватив в середине лентой.

– Дедушка! – крикнула Зоэ в полный голос, поправила платье и затянула на талии шаль вместо пояса. – Деда! А где Вико?

– У королевы, тонет в море гнева, – ехидно сообщил от окна голос дон Эппе. – Н-ну, и пока он там тонет, я тут, на суше, цел и сыт, стерегу тебя.

– Подглядываешь, – заподозрила Зоэ, подбежала к окну и раздвинула шторы, привязала их лентами, чтобы не застили вид на румяное утро и бледного, но по-прежнему неумного Эспаду.

– Зоэ, два раза подряд злить Кортэ не стану даже я и даже на спор, – без раскаяния и смущения признал дон Эппе, шагая через низкий подоконник. – Всего лишь стерегу и подслушиваю. Старик прав: рыжий злодей воистину абордажный крюк, во что вцепится – от того уж не оторвать его.

– Что тебе? – Зоэ вспомнила, что на Эспаду вообще-то следует сердиться, и старательно остудила тон.

– Во, лепешка с сырой бараниной, – сообщил королевский пес, упал в кресло и добыл из кулька одно из любимых своих лакомств. – Хочешь? Чеснок сам выбирал и крошил. Мельче мошки, злее Кортэ...

– Да ну тебя, – всё еще стараясь не замечать гостя, буркнула Зоэ. Но пошла в угол и выбрала из запасов любимое Эспадой крепкое и сладкое сантэрийское, черное, как запекшаяся кровь.

– С зеленью, с алькемским злым перцем, с восточными пряностями, – уточнил Эспада, примерился и срубил горлышко бутылки так, что холодок стремительного движения клинка коснулся шеи Зоэ. – Почему ты не боишься всего, чего следует опасаться? Например, меня, моего клинка, врагов нэрриха. Или меня пьяного с клинком, к тому же обозленного на тех, кто покровительствует тебе...

Эспада отложил оружие, чуть наклонил голову и прищурился, раздирая надвое лепешку, начиненную мелко рубленным мясом. Зоэ попробовала тягучее вино – только лизнула, очередной раз удивляясь: как эта гадость может нравиться? Терпкое, горчит, а еще и сладким отдает, да к тому же вдобавок жжет язык и першит в горле. Эспада отобрал бутылку, носком башмака повозил по полу, разгоняя осколки глиняного горлышка. Сунул Зоэ в руку кус лепешки, повторно приглашая разделить трапезу. Сырую баранину Зоэ находила сносной, к тому же знала: Рэй неизменно готовит кушанье сам, начиная работу с выбора годного барана. И гордится нелепым блюдом, и умудряется делать его действительно вкусно.

– Когда Ноттэ вытащил меня из закупоренной бочки, брошенной в море, что-то случилось, – задумалась Зоэ, устраиваясь на полу, рядом с креслом. – Я, наверное, пока тонула, перетерпела весь страх, на целую жизнь вперед. Ну и к тому же, Рэй, зачем тебя бояться? Ты часть семьи.

Эспада поперхнулся мясом и закашлялся, невнятно выругался, запил недоумение вином. Отдышался, насмешливо кивнул заглянувшему в дверь Челито и расхохотался, наблюдая возмущение на лице старого моряка. Тот не терпел грязи на полу и грязи на мебели, а Эспаду и полагал, и вслух звал именно так – грязью... Вот и теперь молча отвернулся, хлопнул дверью и торопливо зашаркал по коридору.

– Н-ну, спорим, он хоть сегодня возьмется за арбалет и наконец-то убьет меня? – понадеялся Эспада, снова вгрызаясь в лепешку.

– Да ну вас обоих, вы хуже детей, – Зоэ дожевала лепешку и облизнула пальцы. – Зачем сердишь дедушку? Ведь ты специально насорил.

– Он тебе не дед, ты вообще – сирота, – неожиданно сухо ответил Эспада. Бросил ополовиненную бутылку на столик так, что она заплескалась, едва не опрокинувшись. Пошел к окну и не оборачиваясь, добавил: – Все мы псы, Зоэ. Я слишком молод, чтобы дружить с тобой. Он слишком стар, чтобы защищать. А твой Альба дурной щенок, лижущий руки любому ловкому ублюдку.

– Рэй! – возмутилась плясунья, но Эспада уже сгинул в парке.

Ругаться сделалось не с кем. Правда, в дверях сразу же появился Челито, хмуро осмотрел комнату, держа одну руку за дверь – вроде он взаправду пришел с арбалетом... Зоэ вздохнула, самым виноватым тоном пообещала убрать осколки, и дед унялся, молча захлопнул дверь, без прежней торопливости прошаркал прочь. Плясунья смущенно дернула плечом. Она-то знала, что дед не собирался стрелять. Стоял за дверью и ждал, когда несносный насмешник покинет комнату, а еще дед подслушивал: нет ли угрозы для Зоэ. Спорить прямо и до драки с Эспадой – опасался... А признавать свой страх полагал позорным.

– Годное ли дело: к порядочной девице лазать через окошко, – бубнил Челито за стеной, твердо зная, что будет услышан. – А ну как сплетня заведется? Она ж для чести похуже прямого поклепа.

Зоэ хмыкнула, пропустила упрек мимо ушей. Сплетен о доне Эппе немного, особенно в мужской среде. И совсем ни разу его – если верить сплетням – обманутые мужья не заставляли там, где это особенно не принято. То есть вроде кого-то и замечали, бежали за арбалетом... а потом, надо думать, стояли под дверью, изнывая от бессильной ревности, накрепко связанной и затоптанной самым обыкновенным страхом. Как утверждают сплетни женские, год назад один барон все же вломился в собственную спальню – с оружием и подмогой. Дон Эппе якобы сидел в кресле и пил вино. Одетый. Он – опять же, если верить сплетне – хищно улыбнулся прибывшим, выпустил из ладони кубок, взвел бровь, рассматривая крошево осколков и багрянец винной лужи. Погладил рапиру – которую месяцем позже сломал и сменил на саблю – и самым любезным тоном спросил хозяйку дома, желает ли она овдоветь именно сегодня...

По коридору процокали каблучки, в дверях появилась донья Инес, с недавних пор – поверенная королевы. Достойная донья старательно примерила самую милую из своих улыбок.

– Её величество изволят прогуляться в парке. Идем.

Зоэ подхватила веер, кивнула – и, шурясь от собственной шалости, прыгнула, как была – босая – за окно, в цветник у дома, постоянно и безнадежно вытоптанной.

«Маленькая дрянь» – ну, эти слова донья Инес повторяла всякий раз при встрече, чуть меняя оттенки смысла. На сей раз прозвучали они с отчетливой завистью. Но Зоэ не прислушивалась, она бежала по траве, радуясь уже тому, что не придется видеть королеву в гнуснейшем кабинете, где самый яркий день пребывает в плену оконных переплетов, а разговор втиснут в рамки отвратительного, как стул с прямой спинкой, протокола.

Королева гуляла в любимом розарии. Рассматривала цветы она, как обычно, одна. В полусотне шагов позади пестрым стадом на выпасе топтался и мычал что-то свое, коровье, блистательный двор. Толстые старухи, верткие сплетницы средних лет, чопорные глухие клуши с выводками малолеток, яркие и шумные стайки девиц, похожих на весенних птиц и точно так же, как птицы, пребывающих в поиске пары для постройки гнезда... Обычно зрелище дополнял секретарь, похожий на пастуха, окруженный роем мух – то есть слуг, обремененный ворохом дел и обладающий драгоценным правом решать: кому он позволяет приблизиться к королеве и обеспокоить или развлечь разговором её величество.

Первое, что отметила Зоэ, нарочито нагло распахивая локтями стадо, ненавидящее плясунью и щедро одашиваемое ответной неприязнью: секретаря нет. Зато имеется капитан Вико де Льера – он серый от усталости, но с честью одолевает шторм королевского гнева.

– Так мы обо всём договорились, – припуская тяжелые веки, утвердительно выговорила королева, делая ударение на «всём». – Постарайтесь еще и вы не расстраивать меня.

– Как будет угодно, – с облегчением выдохнул Вико, склонился, целуя милостиво представленное для лобызания королевское запястье.

– Танцевать надо? – уточнила Зоэ, провожая взглядом широкую капитанскую спину и радуясь тому, что для Вико шторм монаршего гнева позади.

– Увы мне, я вынуждена признать то, что мне до крайности невыгодно, – сварливо посетовала королева. Улыбнулась грустно и тепло, по привычке дернула ленту, снимая её с косы Зоэ,

растрепала длинные волосы плясуньи, погладила их, а заодно и спину Зоэ. – Куколка, чудеса не приключаются по моему приказу. Я желала заполучить тебя, держать рядом и пользоваться... как пользуют нюхательную соль при недомогании. Ап! Танец расцвел, я обрела радость. Ап! Мне было дурно, сыну было дурно – но все прошло.

– Я стараюсь, – вздохнула Зоэ.

– Увы... Я тебя истратила, – еще грустнее усмехнулась королева. – Ты вроде флакона, куколка. Была полна – стала пуста. Патор Факундо навещал меня, мы долго беседовали. Он советует отправить тебя подальше от столицы, хотя бы на время. Конечно, – негромко рассмеялась королева, прячась за веером, – его интерес понятен. Личная плясунья королевы – ересь страшная, да еще и действенная, а всякое богоугодное чудо должно пребывать в ведении Башни. Он желает, чтобы ты гостила в обители до зимы. Я сперва была против, но Факундо умеет подбирать доводы. Да и случай с этим псом... Скажи, куколка, он и впрямь едва выжил после вашего танца?

– Вроде того, только...

– Значит, решено, – королева не дала себя перебить. Голубые глаза стали спокойны, как сапфировый лед. – Мой сын еще младенец, но я не желаю, чтобы взгляд на твой танец хоть как-то повредил ему. Два дня на сборы – и вон из дворца. Как ты недавно и пожелала, в опалу.

– Вы же сами говорили, что меня не надо запирать, что я пропаду в этих их обителях, стены вконец убьют дар, – огорчилась Зоэ.

– Еще один танец с Эспадой, – едва слышно, отчетливо зло выговорила королева, выше поднимая веер, – и даже я не смогу заткнуть рты сплетникам. В твоём возрасте и без мужа, куколка, следует быть потише. Сказано тебе было молиться, шла бы да молилась. А не умеешь добром исполнять мою волю, так я тебя по-другому научу. Или заставлю.

Зоэ тяжело вздохнула, глотая обиду, незаслуженную и от того вдвойне горькую. Поклонилась королеве. Та еще раз провела рукой по темным волнистым волосам плясуньи.

– Скажи мне, куколка, тебе и впрямь кажется, что в столице более не слышны голоса ветров? Вся эта тишина и пустота, я в курсе ночного видения... Так и есть на самом деле, или беды ограничены детскими страхами и дурными снами?

– Пожалуй, оно не только во сне...

– Вот-вот... пожалуй. Поезжай отсюда подальше и подумай толком: дело в тебе или в месте? Это может оказаться важно. Тьма в моей столице недопустима. – Королева отвернулась и пошла прочь, более не оглядываясь.

Зоэ некоторое время смотрела вслед Изабелле. Потом через плечо, с нескрываемым отвращением, покосилась на двор, бредущий вразнобой, жующий и гнусный, подобный не стаду даже – а рюю трупных мух. Решившись, Зоэ побежала за королевой, догнала её и нагло нырнула под руку.

– Ну и ругайтесь, дело ваше, – выпалила Зоэ. Быстро сунула в ладонь Изабеллы добытый из кармана крошечный узелок. – Вот. Это мне дал сам Оллэ. Ну, я его всего раз и видела, а вот – дал.

– И этот был в столице, и тоже тайком, – поморщилась королева. – Когда?

– Прошлым летом. Ну, не важно. Оставил узелок и разрешил, если совсем сделается худо, позвать западный ветер. А я вот думаю: у меня семья большая, надежная – и Аль, и Кортэ, и дедушка... У вас вокруг из толковых людей вообще никого! Чтобы без веера поговорить, даже для такого!

– Только ты, – совсем грустно согласилась королева, сжимая ладонь и пряча узелок. – Глупая ты куколка, не умеешь даже язык за зубами держать.

– Он сказал: если что, положить узелок на ладонь, развязать и слуть, внятно выговорить его имя, думая о беде и о помощи, – шепнула Зоэ. – Он хоть и не родной, и до Ноттэ ему –

ну, сами знаете... Не особо он людей любит. Но ведь если что, все ж явится. Он равнодушный на вид, но вообще надежный... Вот.

– Людей «особо» любить не за что, – назидательно сообщила королева. Обняла за плечи и шепнула в ухо: – И как тебе пёс моего мужа? Неужели всерьез нравится? На морду он, конечно, не особо хорош, зато... гм... жилист. Ведь вот кобель, до чего ловок: ни одна девица на него не показала, а уж сколько он перепортил их...

– Что? – Зоэ ощутила, как жар течет по щекам все выше, заполняя изнутри всю её, целиком.

– Куколка, порядочная девица должна сперва завести себе законного пса... То есть мужа, это полезно для её доброго имени. Обелив же честь, многие считают возможным плясать с чужими кобелями, – получая удовольствие от смущения Зоэ, королева продолжила увещевания, щурясь и пряча насмешку. – Так что иди и помни: или ты умнеешь, или обитель – твой пожизненный склеп. Иначе сам маджестик не избавит тебя от клейма и участи злокозненной еретички, а то и чернокнижницы.

Зоэ на мгновение прижалась лбом к плечу королевы, пряча улыбку и ощущая, как расцветает в душе теплая радость. Её не прогнали, её не обидели. Всего-то спасают от собственной же неосознанной глупости.

– Бэль, я буду скучать.

– Какая же ты глупая, – тихонько рассмеялась королева. – Вон с глаз, не то я опять потребую танец, и все пойдет вкривь. Да: встретишь Кортэ, скажи упряму без окольных, что желаю видеть и готова заплатить золотом. Поняла?

– Да.

Зоэ вздохнула и пошла собираться в путь, думая о Кортэ, покинувшем город еще до рассвета. Вот уж кто свободен и счастлив! Ему и королева – не указ...

Глава 2. Грехи наши тяжкие

Первым, как обычно, во двор выбрался брат Паоло, в насмешку именуемый иногда «патор»: принятое им при вступлении в обитель имя совпадало с именем прежнего высочайшего служителя, да и повадка... Такому дай власть – горы свернет, не думая о том, зачем и кем оные горы установлены на свое законное место. Впрочем, поддразнивать сэrvэда сделалось неинтересно с тех недавних пор, как гранд Факундо стал новым патором, а прежний отправился далеко, жить в уединении и молитве.

Спящая обитель была тиха и наполнена покоем. Однако же Паоло долго глядел во двор из-за полуприкрытой створки двери, едва решаясь дышать. Утро пока что далеко, за горами. Там оно заготовило свежий чехол подушки и набивало её пухом облаков, бледно-розовых, мелких, проступающих одно за одним на темном ночном небе.

Сэrvэд сопел, то прикусывая губу от усердия, то вжимая голову в плечи, то изгибаясь тощим кривоплечим туловищем, чтобы, не высывая и носа на двор, осмотреть весь каменный его квадрат. Временами Паоло затаивал дыхание, прислушивался, опасливо шурился, сутулился и почесывал затылок. Двор выглядел на редкость спокойно. Ни огонька – ни шороха.

Сэrvэд осмелел, юркнул вперед... босиком, стараясь не шлепать ногами, он прокрался к узкой щели оконца угловой кельи у стыка северной и западной стен. Постоял, моргая, заранее растёр еще не ушибленный затылок... накопил-таки мужество для исполнения задуманного, решился, сотворил знак стены, оберегая себя от бед – и заглянул в ехидно прищуренную щель полуподвала. И... ничего не произошло!

Пусто? Неужели в келье – пусто? Свыкнувшись с невероятной новостью, Паоло смело и шумно прокашлялся – и прошествовал в главный зал, на молитву. Кашель послужил сигналом: во двор, гомоня и недоверчиво улыбаясь, высыпали обладатели багряных ряс служителей и серых с бурой каймой – сэrvэдов. Людей становилось все больше, слух о пустующей келье гудел, будил самых ленивых надежнее набатного колокола. Настоятель последним соизволил важно выступить на балкон и осенил братьев знаком закладки камня.

– Похвально усердие в вере, все на ногах еще до рассвета, – сообщил он темному квадрату двора, шушущему голосами. – Наш добрый брат Кортэ отбыл на закате, он внезапно вспыхнул молитвенным рвением и возжелал прикоснуться к святым камням, свершить уединенную молитву вдали от столичной суеты...

– Да сбудется, – хором прогудел двор.

– Обратнo-то когда ждать костолома? – в тишине, наступившей на общем выдохе, одинокий шепот оказался слышен всем.

– Скоро, – обнадежил настоятель и солгал, мысленно испросив прощения у высших сил, наверняка поощряющих трудолюбие и смирение: – Если дорога не окажется тяжелой, может, уже к ночи.

Слитный стон прокатился, заполнил обитель и поднялся ввысь, вспугнул пушинки розовых облаков. Брата Кортэ уважали. Искренне старались укрепить его в похвальном решении отринуть ересь. Когда гранды присылали повеления выискивать врагов веры в провинции или оказывать помощь королю в усмирении вольных баронов побережья и севера, брата Кортэ особенно ценили, им гордились: первый клинок ордена, хоть и не человек. Увы, в мирное время рыжего «костолома» старались обходить стороной, опасаясь его прямо-таки фанатичного желания не просто преуспеть в воинском деле, но и обучить как можно больше братьев. Орден багряных, тем более его столичная обитель, лентяев и слабаков в квадрат своих стен не допускал. Но даже самые стойкие роптали...

Кортэ расхохотался, безошибочно представив утреннюю суету багряных, ободряюще хлопнул любимого тагезского скакуна по шее и перевел на ровную рысь, сберегая от утомления. Было вполне занятно ехать по холодку, бодрому, пахнущему дымком и хлебной коркой оставшегося позади города, а еще пылью дороги, влагой недалекого ручья. Нэрриха рассматривал пики длиннющих утренних теней, делающих всякий куст великаном.

Каких-то два года назад, – подумать странно, как малосущественно время для оценки значимости дел! – он, Кортэ, жаждал вкусить хоть каплю пьянящего вина славы. Той самой славы, которую для него олицетворял Ноттэ, более взрослый и опытный нэрриха: сын заката выглядел юнцом без особенных примет, и всё же его узнавали и уважали повсюду, даже почитали вопреки заурядности вида. Помнили и имя его, и дела... Это казалось оскорблением и случайностью, а значит, требовало исправления. И Кортэ исправлял – расшвыривал деньги, обращал на себя внимание яркостью одежды и вычурностью манер. Тот Кортэ выкрикивал на всяком углу: «Я – Кортэ!», впуская сотрясая воздух... А сам всё сильнее завидовал безмятежным манерам Ноттэ, не изволящего даже обижаться на клевету. Хотя рыжий сын тумана в своей зависти был зол и – клеветал... Чего он только ни делал, чтобы стать равным а затем, вот предел мечтаний, глянуть на Ноттэ свысока... И вот – сбылось. Судьба, тот еще шулер, криво усмехнулась и сделала вид, что партия выиграна вчистую. Ноттэ нет в мире, зато имя Кортэ знакомо в столице любому нищему. Всякий чванливый родич короля норовит пригласить сына тумана в гости, старается разве что не силой напоить и обласкать, напоказ называет другом и робко похлопывает по плечу.

Кортэ поморщился и откинул капюшон ненужного более плаща, досадливо подумал: всё намного хуже! Сделалось почти невозможно поспорить и почесать кулаки! Хозяева гостерий узнают рыжую шевелюру издали и с вымученной улыбкой готовят лучшее место, постояльцы кланяются и делаются столь благочестивы и вежливы – придаться не к кому и не к чему! А затевать потасовку без повода противно. Воры попритихли, ночами вздрагивают от шума шагов и опрометью спасаются бегством, не разбирая, кто их нагоняет.

Последняя радость – обитель багряных, полтора года назад неосмотрительно распахнувшая ворота перед новым братом, когда он явился с мешком золота, постной рожей опытного пройдохи и заготовленными заранее покаянными речами. Мол, при паторе Паоло был злодеем, многим багряным руки поотрезал – так ведь и они не без греха, в нечестивое дело полезли. Да, прошлое забыто и новую жизнь он, Кортэ, желает начать в обители, каждодневным трудом и молитвой избывая грехи, наполняя душу светом и умерщвляя плоть... Настоятель позже признавал не раз, угощаясь сидром и одновременно убеждая поумерить пыл: худшим и наиболее опрометчивым из своих решений он полагал согласие принять брата, по сути купившего место в убогой в келье. А что оставалось? Не удержался настоятель от соблазна, и это простиительно, ведь смиренный рыжий пройдоха приобрел запрошенное по цене, способной склонить к продаже особняка самого Одона де Сагу, одного из богатейших людей столицы.

Но сделанного не воротишь, тем более золото – оно имеет стойкое свойство исчезать, едва развязана веревка на мешке и рука первый раз запущена в шуршащую тесноту монет... Настоятель не воровал. Просто делал то, что требовалось давно и на что прежде не хватало сил и средств. Обитель получила роскошную, на зависть всей столице, медную крышу. Достроила главную башню, увенчала её гордым шпилем, подняв знак веры на высоту, приводящую в уныние весь соседний квартал ростовщиков: их храм еще недавно был высочайшей постройкой в окрестности. Наконец, хватило средств, чтобы обновить рясы братьям и заказать по мере надобности добротный доспех. На остатки золота подлатали сильно обветшавшую северную стену, выбрали и оплатили два десятка скакунов, одинаково рослых, редкой масти, напоминающей топленое молоко.

Кортэ усмехнулся в усы, настороженно осмотрел пустую дорогу. Столица осталась позади, два года для повсеместной славы – срок недостаточный, тут его, «рыжего чёрта» –

пожалуй, никто и не опознает. Баронов багряные страшали гораздо севернее, разбойников ловили на руайарском тракте, тоже недалеко. Пожалуй, можно снять плащ и ехать налегке, скоро солнце припечет...

– Доброго вам дня, славный дон Кортэ, – сладким голосом приветствовал, явившись из-за кустов, мужичок самого неопределенно-вороватого вида. – Извольте откусать?

– Да пошел ты, – возмутился Кортэ, снова натянул капюшон пониже. Сокрушено вздохнул и перевёл коня в галоп, бормоча на каждом выдохе. – Отдал бы еще мешок монет... чтоб меня не узнавали... на всяком углу. На всяком! Славы возжелал... Говорил Нот, что дурак я... Что сам не ведаю, чего мне надобно.

Повод для раздражения имелся более чем серьезный: впереди, в двух конных переходах, – обитель ордена Зорких, именуемая Десница света. Явиться туда хотелось бы неузнанным. Ну самое малое без гомона сплетен, способных перегнуть даже резвого скакуна и помочь злодеям – а Кортэ надеялся застать таковых – сбежать самим и припрятать секреты.

Нэрриха сокрушенно вздохнул, мысленно оценил заново свою добротную одежду, взъерошил рыжие волосы, тронул заплетенную в косички гриву статного коня... И резко остановил Сефе, закрутил на месте, снова высал в галоп, привставая в седле и озираясь.

Тощий пройдоха подавился подстреленным в королевском лесу кроликом, с ужасом наблюдая, как ломится сквозь кусты беда, вроде бы прошедшая стороной. Кортэ спешился, отхватил ножом полтушки и азартно вгрызся в жилистое, дурно прожаренное мясо.

– Хочешь прожить дней пять-семь в шкуре нэрриха, знаменитого на всю столицу, – Кортэ высказал идею утвердительно.

Договорив и дожевав, рыжий покопался ногтем меж зубов, сплюнул застрявшую жилку, тем же плевком заодно обозначив досаду. А затем, морщась и кряхтя, Кортэ вцепился в свои приметные волосы и начал их пилить ножом под корень. Мужик икнул от ужаса, попробовал отползти задом в кусты. Увы, заросли оказались упруги, а взгляд нэрриха – опасно колюч. Кортэ довел дело до конца, сгреб рыжие пряди в кучку и критически осмотрел. Ощупал голую, бледную кожу головы с жалкими остатками растительности, напоминающими степь в засуху.

– Раздевайся, – велел нэрриха бродяге, и без того перепуганному. Хмыкнул, похлопал несчастного по спине, излечивая от икоты. И продолжил вслух обращать скелет идеи плотью подробностей. – Отдам тебе коня славного дона Кортэ, его одежду, волосы вот... и кошель. Черт с тобой, кошель оставь насовсем, вещички тоже. Коня, седло и прочее разное, по карманам заваливавшееся и накопленное в заседельных сумках, доставь на закате пятого дня в столичную обитель ордена багряных, сдай брату Иларию и скажи на словах, что от меня. Еще передай: замечу, что Сефе не вычищен, самого его скребницей обдеру до костей. Понял? Ты не молчи, глухой дурак мне без надобности.

– П-по-нял... Пощадите!

– Не бзди, вон столица, вся твоя. Пять-то дней от сего утра – гуляй без роздыху, – Кортэ щедро махнул рукой в сторону города. – Поезжай и ни в чем себе не отказывай, только капюшон ниже тяни и рыжие волосы приклей понадежнее. Усы сооруди. Ори громко: «Я – Кортэ!». Чего молчишь?

– Й-йа-аа... К-ко...

– Не квохчи. Давай ещё раз, с гонором ори, подбоченься, – строго велел нэрриха, сбросил плащ и начал снимать камзол. Бродяга прошептал требуемое, и сын тумана снова остался недоволен. – Плохо. Не пищи, ещё раз.

Когда лысый и изрядно злой Кортэ закончил переодевание и отсчитал десять монет, выделенные пройдохе в дар, тот уже довольно уверенно кричал нужные слова. Дрожащие руки нищего вязали из рыжих волос короткие снопики, довольно ловко крепили их на веревочку, готовя основу для навесной кудлатой челки. Бродяга часто всхлипывал и повторял, кашляя и срываясь в визг: его непременно убьют. Заметят, что не тот – и пристукнут...

– Дурак ты, – без прежней злости утешил Кортэ, критически изучил подменного «сына тумана», уже обряженного в камзол, штаны, башмаки и плащ. – Так все просто, а ты и не понимаешь! Ввались в любую гостерию, брось слуге конский повод и пару песет, не глядя ни на кого, напрямик топай через двор в лучшую комнату. И пей, и жри до треска в пузе. Они на тебя не осмелятся глянуть. Как же, ты ведь Кортэ... Но помни: не вернешь коня, я сам найду тебя и сам грехи тебе отпущу. Все, пшел вон.

– Не погубите...

– Почему даже последний дурак на дороге умнее меня? – спросил Кортэ пыльный куст, старательно пачкая золой свой розовый череп. – Во: не хочет славы. Я-то хотел... Иди, не дави мне на уши. Жалости к тебе нету, а злость мою лучше не буди. Как я решил, так и будет. Ты теперь Кортэ, и ты уж со мной не спорь.

– Как прикажете, – обреченно поклонился бродяга и опасливо глянул на огромного коня.

– Как-как... так и прикажу. Сефе, отвези дурака в «Курчавый хмель», – велел Кортэ, почти силой забросил бродягу в седло и ласково погладил коня по шее. – «Курчавый хмель», ты помнишь, ты умный мальчик, именно туда ты возил меня всякий раз без ошибки, когда я был мертвецки пьян. Ну, вперед, к ячменю и чистке.

Вороной с сомнением фыркнул, мотнул головой, вырывая у никчемного седока повод из рук и утверждая: уважающий себя конь абы кому не служит. Напоследок Сефе еще разок покосился на хозяина – и ровной мелкой рысью удалился в сторону столицы. «Кортэ» трясся в седле мешком, невнятно и жалобно подвывал. Он горбился, и такой издали слегка напоминал рыжего нэрриха в самом беспробудно-пьяном его состоянии.

Настоящий Кортэ хмыкнул, потер грязную лысину, вцепился в ус, нехотя решаясь извести и эту примету. Отвернулся от столицы и пошёл, подтачивая нож и постепенно избавляясь от ухоженных и даже ценимых усов... Закончив с делом, нэрриха закинул за спину обмотанные дерюгой эсток и нож. Щурясь, выбрал направление и понесся во весь дух, ругаясь и шипя на острых камнях и колких ветках, мелькая белыми пятками, изнеженными в городской обутой жизни.

Было бы неправильно называть окольный путь, ведущий к обители, настоящей дорогой. От столицы, как и советовал настоятель, следовало сперва ехать торговым трактом на Альваро. Натоптанный башмаками и накатанный тележными колесами широкий след этой дороги змеился по жирным пахотным долинам почти точно на север. Удалившись по тракту на двадцать лиг от столицы, было важно не пропустить дорожку поуже, которая вильнёт к востоку сразу за развилком с марайским трактом. Отсчитав ещё лиг десять, снова следовало найти боковую тропку и двигаться старым королевским лесом, мимо крупнейшего в срединных землях Эндэры озера, оставляя его чуть севернее. Святые камни и сама обитель Десницы, выстроенная над ними, прятались от суеты многолюдья в предгорьях – скалистых, изрядно задичавших.

Кортэ бежал, фыркал шумнее вороного Сефе, который всегда находил важным сообщить хозяину лошадиное мнение по поводу дороги, подков, зрелости ячменя или скуки ровной рыси. Сын тумана остался совсем один – и злился на себя, увы, не имея возможности выплеснуть раздражение. Привычка к парадности и удобству едва не сыграла с ним очередную злую шутку. Зачем взял из стойла Сефе? Почему оделся богато и приметно? С какой стати отяготил кошель избытком золота? Ответы насмешливо блестели на виду, яркие, как самородное золото в речном песке. Полтора года жизни в обители не изменили привычки выпячивать себя, гордиться собой, нести себя как сокровище...

Он собрался в путь, и сразу, помимо разума, стал снова тем Кортэ – из прошлого. Он словно влез в тесную старую шкуру заносчивого и златолюбивого искателя славы. Он опять подспудно возжелал греться в лучах признания... А ведь мнил себя быстро и полно переменившимся, тешился самообманом. Новое – всего лишь пена на воде, она едва прикрыла глубин-

ную суть. Или все же – наоборот? Он изменился, но бывшее норовит поставить подножку, как и предупреждал настоятель, неглупый, но склонный к напыщенному стилю: «Тьма тянет человека не канатом, она тоньше паутины, но, приклеившись, уже не отстанет, пятная не одежды – душу...».

В тьму и свет Кортэ не особенно верил. Греха в распитии хмельного не замечал, да и веселую, полную скандалов жизнь в столице полагал удобной для себя и ничуть не противной заветам Башни. Нынешнее утро первый раз показало: не так всё просто, как представлялось. Да и Ноттэ, если припомнить, более всего презирал фальшивую простоту, эдакую гладь показного, позволяющую мысли скользить по поверхности ленивым бликом – и не проникать в глубину, не тревожить темные омуты неявного, противоречивого.

Кортэ усмехнулся, удобнее укрепил сверток с оружием и побежал дальше – довольный собой. Без дорогой одежды, коня и громкого имени он наконец ощутил свободу. Почти ту самую, присущую Ноттэ, столь желанную и вызывавшую зависть: умение оставаться собою при любых обстоятельствах, независимо от толщины своего кошелька и титула собеседника. Среди леса или во дворце он всё равно – Кортэ. Стоило осознать это, отделить от золотой шелухи – и обрести понимание, пьянящее слаще и крепче вина...

А зачем ему, Кортэ, нужна свобода?

Привитая Ноттэ привычка играть в вопросы стала частью натуры. Она вынуждала смотреть на мир и искать в нем новое, интересное, а в себе – отклик и отношение к найденному. Жить так занятнее, чем собирать золото, тратя все силы на поиск его и преумножение. Потому что теперь Кортэ знал: для золота можно подыскать работу, способную развлечь надолго. Обладание мешком кругляков с обрезанными краями – для выравнивания их веса – даёт лишь краткое удовольствие утоления жадности. Иное дело – сработанная за золото крыша обители. Когда она была готова, душу согрело ни с чем не сравнимое удовлетворение от принятого решения и зримости его плодов. Именно крыша стала первой работой золота, которая дала Кортэ долгосрочную радость, не угасшую и поныне. Крыша красива, ею гордятся все багряные. Она полезна: в зиму ни разу не протекали потолки, не подмокали книги, не ржавело оружие. Не болел и не кашлял даже чахлый сэrvэд Паоло, ценимый братией за свое портняжное умение. Да и сам Кортэ под крышей обители нашел куда больше, чем ожидал: ненависть, постепенно перекроенную в осторожное уважение. Холодную неприязнь, общими усилиями отогретую до трений и склок, неизбежных в общении. Даже глухое отторжение к чужаку, не человеку, постепенно удалось победить, и изнанкой его оказалась почти настоящая, а может, и совсем настоящая приязнь и даже дружба...

Без малого два года назад Кортэ желал вернуть сгинувшего Ноттэ главным образом из упрямства. Толком он тогда не понял собственного внезапного несогласия пойти в ученики к самому Оллэ, куда более опытному, чем даже сын заката. Не нашлось и внятного объяснения гадливому презрению к выбору Виона. Было стыдно за детей ветра из-за этого... слабака. Как он смел забыть вмиг все обязательства перед людьми? И всего-то во имя встречи со старейшим нэрриха, который, по слухам, подыскивал себе ученика.

Время прошло, и многое для Кортэ изменилось незаметно, исподволь. Возникло ощущение, что сам он – Кортэ – едва ли не целиком состоит именно из принятых по доброй воле обязательств, явных и неявных привязанностей, долгов. Что окружение – в том числе враги – создает его куда более, чем приметная внешность, привычки или прочитанные в книгах мертвые слова. Тьма же, страшившая набожного настоятеля – это именно отказ от себя, обрыв нитей, измена данному слову. А свет...

Кортэ споткнулся. Устало рассмеялся своей неловкости, сбился на шаг и принялся ози-раться. Что есть свет, он до сих пор и не думал, оказывается. Зачем? Ему и без того живется неплохо, пока солнце разумно делит яблоки времени на две половинки: румяный день и блек-лую ночь.

Лес вокруг был клочковат и неряшлив, как шерсть овцы, неоштриженной в срок. Большая дорога осталась далеко в стороне, со всеми изгибами по горбам холмов, с похожими на запруды воротами городов, с омутами поселков и гостерий, с притоками тропок. Пешком – теперь Кортэ не сомневался – до обители добираться куда быстрее и удобнее! Нэрриха, не обремененный имуществом, способен бежать резво. Он умеет безукоризненно выдерживать направление и уточнять его, советуясь с родным ветром. Сейчас ветер Кортэ, штормовой северо-западный – гуляет далеко в море, сталкивает лбами волны, страшит моряков и подгоняет к берегу стадо синих туч, дородных, брюхатых, готовых разродиться ливнями. Лиловость гроз воспримут виноградные гроздья, урожай вызреет куда обильнее. Знатоки укроются от непогоды и поморщатся, глядя за окно: водянистый виноград не так хорош, как суховатый, ведь именно он впитывает лишь солнце и сок земли. Но эти умники не голодают зимой в темных промерзших домах и не взирают с болью на ростки, так и не ставшие хлебом...

Кортэ одолел очередной завал из стволов и веток, перевел дух и без остановки побрел дальше, позволяя себе отдых от бега и слушая шепот листвы. Невесть с чего припомнились слова Зоэ о пустоте, прозвучавшие тогда, в столице, непонятно.

Разве может ветер быть пуст, безголос? Он весь – дыхание мира, в нем звучит хотя бы слабое, но эхо жизни, важно лишь уметь слушать. Теперь нэрриха слушал – и хмурился. Далекий родной северо-западный буянил на море шумно и весело, пена текла и взбухала, пляска волн наполнилась хмельным азартом. У невидимых из-за древесных крон восточных гор играл на каменной свирели ущелий ветер-южанин, смуглый суховей, он забрался весьма далеко от родных пустынь. Знакомый, для внутреннего зора он казался неотличимым от своего сына, гибкого и чуть надменного, много лет назад встреченного в порту Алькема. Тот нэрриха прожил куда дольше Кортэ и накопил опыт, возводящий его в четвертый, а то и в пятый круг. При встрече взгляд южанина скользнул по лицу родича без неприязни, но и без теплоты. Просто отметил, коснулся едва заметным дыханием родного ветра, выверяя круг опыта, запоминая впрок дыхание... Южанин улыбнулся уголками губ, кивнул сопровождающему его носильщику, зашагал далее по своим делам, покосился в сторону моря – и добыл из складок одежды свирель. Заиграл, не ускоряя и не замедляя шага, точно зная: рыжий мальчишка второго круга смотрит в спину и завидует всей душой. Потому что еще слишком глуп и не научился иначе выражать восхищение.

Кортэ, с тех пор повзрослевший на два круга опыта и на сотню лет, стер со лба пот, остановился и еще немного послушал свирель, вспоминая давнюю встречу и улыбаясь. Более его путь не пересекался с тропами смуглого нэрриха, но ветер с юга навсегда сохранил эхо звучания, очаровавшего однажды... И сейчас прелесть свирели не угасла. Увы, звук и сам ветер – далеко.

Лес, словно губка, впитал, связал звуки и дыхания. Наполнился ими и отяжелел, провалился в мягкую складку равнины у предгорий, спрятался от больших ветров. Лес казался глухим. В нем даже листья шуршали пресно – то есть именно пусто, указанное определение подходило к звуку как нельзя лучше. Кортэ повторно стер пот со лба и шеи, недоуменно потянул рубаху от горла. Он прежде не уставал, совершив пустяковую пробежку. Он никогда не ощущал тревоги, вслушиваясь в сварливый скрип сухих веток, трущихся друг о дружку.

Безветрие казалось удушающим, неестественным. Нечто – Кортэ осторожно назвал это внутренним голосом – удерживало от самого, вроде бы, очевидного для нэрриха решения: встать лицом к родному ветру и позвать его, и вместе, хотя бы коротким порывом, прочесать зеленую шерсть зарослей, чтобы выловить кусачую блоху тревоги. Не зря в сказках людей, испробовав все способы поиска, в крайнем отчаянии кланяются ветру: он зряч в ночи, ему посильно ощупать самое узкое ущелье, самый укромный тайник...

Сейчас Кортэ не смел обратиться к родному ветру. Он кожей ощущал неправильность простого решения и удивлялся своей чуткости, но не оспаривал её: стоит окликнуть ветер,

как эхо сообщит о проявленном любопытстве тем, кто умеет слушать. Если вязкая тишина – ловушка, то обращение к старшему, исходящее от сына тумана, куда больше расскажет ловкому слухачу, чем обычному соглядатаю – приметный конь и звон золота в кошеле. А если здесь расставлена ловушка на нэрриха, что само по себе редкость, значит, Зоэ воистину толковая пласунья. Разглядела заранее беду, угрожающую не ей одной.

Кортэ споткнулся, выругался и устало завалился вперед. Падая, он упёрся руками в ствол, отдавший последние соки ржавым древесным грибам. Трухлявое дерево охнуло и подломилось... Сын тумана сел, подпирая спиной пенёк, на ощупь выдрал травинку, пожевал и сплюнул. Послеполуденное солнце даже сквозь листву отчаянно припекало нежную кожу макушки. Птицы осторожно посвистывали, отмечая присутствие шумного чужака. Лес вздыхал – словно приноживался, норовя взять след... Кортэ мысленно отругал себя за склонность к суевериям. Снова огляделся, деловито и без прежней настороженности. В полдень тьмы не опасаются даже слабаки.

– Тебе, о Мастер, первого камня трудник, основания положитель... – негромко начал Кортэ, прикрыв глаза и ощущая на веках тепло солнечного света.

Молился он в последние годы каждый день. Иногда по привычке, а порой по внутреннему убеждению, требующему уделять время не одним лишь загулам и ссорам. Старинный текст отдания почести Мастеру нравился Кортэ более иных молитв: никаких мелких просьб и фальшивых обязательств, только уважение младшего к опыту и дару старшего, только благодарность за право жить и значит, быть учеником. Иногда Кортэ полагал, что Мастером он имеет право звать свой родной ветер, порой обращался к Ноттэ, а временами и не задумывался, для кого нанизывает шелестящее ожерелье слов.

Молитва не разрушила безголосости леса, но и не породила эха, выдающего присутствие нэрриха. Зато сознание обрело покой, очистилось от сомнений и непривычной, тусклой нерешительности. Кортэ втянул ноздрями запах леса и усмехнулся. Кто тут охотник, а кто дичь – еще надо разобраться. Он именно теперь займется этим. Тишина особенно плотно кутает лощинку справа. Значит, туда и надо направиться, ведь даже малышка Зоэ в своем сне не побежала от страха и нашла силы взглянуть ему в лицо.

Освободив из свертка оружие, Кортэ застегнул перевязь и проверил клинок. Погладил рукоять, снова усмехнулся, скользнул вперед уверенно и тихо. Если лес затеял молчанку, почему бы не поддержать игру?

Азарт настоящего дела изгнал усталость куда надежнее, чем отдых. Кортэ сполна ощутил себя нэрриха – ловким, сильным, внимательным. Он двигался, удивляясь: Зоэ не ругала, отмечая умение ловить ритм боя, досадно иссякающее при первых же звуках музыки. Воистину, прямая насмешка богов эта совершенная в своей полноте бесталанность к танцу и пению... Взбежать по склону, прильнуть к траве, переноса вес с ноги на ногу, осмотреться, сместиться правее и позволить себе встать в рост. Шаг, еще шаг – прыжок через поваленный ствол, приземление на пальцы, снова ныряющее движение к самой траве, опора на руку – и рывок вперед... Все так похоже на танец. Но лес – единственный партнер на сегодня – лишь неодобрительно молчит и смотрит, ощущение направленного внимания щекочет кожу на спине и вынуждает двигаться все осторожнее, ожидая подвоха. Подозрительность раздражает: нет подвоха, есть лишь пустота – да лысый нэрриха, запутавшийся в своих страхах и подозрениях.

По дну лощины бежала тропка, хоронилась в курчавых сборках зарослей, юркая, узкая – но вполне проходимая для конного. Кортэ надолго замер, вслушиваясь и всматриваясь: никого. Однако же дернина вытоптана, а низкие поперечные ветки кое-где ловко срезаны. Если допустить, что тропка не петляет и не протоптана только в одной лощине загадочными местными разбойниками, повадившимися гулять туда-сюда безлюдной чащей, – то направление вполне отчетливо указывает в одну сторону на обитель Десницы, а в другую... Кортэ задумчиво поче-

сал зудящий исцарапанный череп. Потянулся ощупать ус – и едва слышно выругался. Вот так тишина...

В двух десятках лиг отсюда, в горах Пикарда, протыкает небесную синь высочайший на всю Эндэру шпиль, увенчанный знаком веры. Там оседлал скалу один из старейших в стране храмов – выстроенный над священными камнями первый оплот ордена Зорких, чаще именуемых самим Кортэ чернорясниками. Непрístupный замок возвели, не жалея сил, вгрызаясь в скалы и таская из низин неподъемные валуны. Он – крепость, и строили его братья, как боевой орден, а не пещерное поселение отшельников. Именно воины вытесали основание эндэрийской Башни истиной веры в те времена, когда горы принадлежали ныне сгинувшему эмирату Иль-науз. Возвели обитель на крутом склоне у горного пика, намереваясь отстаивать не признаваемую южанами веру до последнего воина.

В столице говорят: старинная обитель давно не нужна ордену, нет рядом ни виноградников, ни полей, ни поселков. Значит, нет золота, верующих и славы... Замок пребывает в запустении, его не покинули лишь два или три выживших из ума старика. Кортэ с сомнением хмыкнул: если верить состоянию тропы, безумные старики то и дело носятся туда-сюда галопом, на ходу срубая широкими клинками ближние к тропе ветки. Лошади отшельников весьма резвы, поскольку накормлены отборным зерном... Нэрриха внимательнее изучил пахучее, вполне свежее конское «яблоко». Вытер руку о край рубахи и задумался крепче прежнего: то ли продолжить путь в обитель Десницы, то ли навестить буйных старцев в горах. Второе казалось занятым, но сын тумана не привык менять принятых однажды решений, и потому из лощинки двинулся все же на северо-восток, почти точно следуя направлению, избранному при расставании с вороным Сефе.

До самого заката нэрриха тихо и по возможности быстро шел, не удаляясь от тайной тропы и не выходя на неё, пренебрегая удобством движения – ради скрытности.

Солнце кануло в ночь резко, одним махом, тишина насупилась тенью и помрачнела. Близ тропы по-прежнему не опознавался ни один дозорный. Вечер томился под гнетом древесных теней задушенный, лишенный росы и тумана. Дважды Кортэ примечал звериные следы, вздыхал, на миг допуская мечтания об охоте и добыче – но сразу отворачивался и брел дальше. Он сутулился и высматривал годную палку для опоры, нехотя признавая все более явную победу усталости над выносливостью. Подобный исход противостояния очевидно требовал передышки – ужина и сна. Когда сумерки третий раз подсунули колючую ветку в самый глаз, намекая на излишнее упрямство, Кортэ безразлично к месту рухнул у ближнего дерева, сбросил со спины мешок и изучил скудный походный запас. Поужинал сын тумана в считанные мгновения – прожевал лепешку, проглотил сыр, запил разбавленным вином – и лег, устроив затылок на мягкой травяной кочке.

Черные деревья заслоняли ночное небо, как шторы. Но Кортэ все смотрел и смотрел вверх, пока не приметил первую лампаду звезды, зажженную самым усердным из святых. Башня утверждает: днем люди возносят моления, а ночью им дано право видеть, как творят службу высшие, отмаливая грехи мира и очищая скверну, затопившую тьмою все пространство. Когда труды святых оказывают спасительное действие, свершается главное чудо – рассвет... Кортэ зевнул, кивнул Трехсвечию затворника Пабло так, словно одобрял своевременное начало небесной молитвы. В помощь святым Кортэ неразборчиво прошептал то же, однажды избранное на все случаи жизни, «отдание почести». Усталость и голод помешали ощутить хоть малый покой после молитвы. Тьма леса все густела, першила в горле затхлой трухой. Ощущение чужого взгляда с уплотнением сумерек поутихло, но натянутость сторожевой нити в пустоте – осталась, и изрядно портила отдых. Кортэ ворочался, сердился на себя – суеверного нэрриха, празднующего труса посреди безлюдья, при полном отсутствии врагов и угроз. Но, стоило прикрыть глаза, как напряжение сковывало шею: темнота всякий раз оборачивалась для разыгравшегося воображения той самой первозданной тьмой, уготованной грешни-

кам в посмертии и невесть почему проступившей из небытия, пронизавшей нынешнюю ночь, норовя изловить жертву и прибрать до срока.

Измаявшись окончательно, Кортэ сел, уронил влажное от пота лицо в ладони и нехотя признал очевидное: отдыха не получилось. Рука сама нащупала тощий мешок, подтянула ближе перевязь с оружием – и безвольно замерла. Поморщившись, Кортэ все же согласился с доводами рассудка относительно нелогичности движения по лесу в кромешной темноте, при-
сущей поре народившегося месяца, тонкого, как волос... Нэрриха снова откинулся на спину, глядя на тусклые, словно бы тлеющие в сухой духоте искорки звезд и не находя в зрелище утешения. Лежать без сна становилось мучительно, желание позвать родной ветер делалось навязчивым, как мечта о глотке воды в пекле пустыни. Кортэ упрямо покачал головой, отказывая себе в заветном. Прикрыл воспаленные веки – и стал слушать лес, облизывая сухие губы и взвешивая на ладони флягу с жалкими остатками влаги. Безголосая беда казалась теперь близкой, значит, она обязана себя проявить. А явная, пусть и опасная, – кому она страшна? Только не сыну тумана.

Когда в ушах уже зазвенело от упрямого внимания к тишине, когда хотелось сдаться и признать себя глухим, а тьму – неодолимо ловкой, нечто шевельнулось и на миг показало себя. Кортэ почудился шелест голосов далеко впереди, вроде бы на тропе или возле неё. Нэрриха проверил оружие и двинулся на звук, то и дело щупая траву и стараясь ненароком не скрипнуть веткой и не выдать свое присутствие как-то еще. Тропа часто изгибалась и ползла змеей, сторонясь возвышений. Кортэ шел и шел, мысленно ругая ночь, усердных грешников и ленивых небесных святых, не способных вымолить рассвет раньше природного срока. Затея с поиском причины страха вот так – на ощупь – казалась все более нелепой. Кортэ брел дальше исключительно от неизбывного своего упрямства. Практичность же требовала сократить путь, все дальше уводила от тропы, спрямляла её изгибы, загоняя сына тумана выше и выше на тем-
ные бока лощин. Взобравшись на самую гривку, Кортэ вздрогнул и замер, настороженно ози-
раясь.

Вязкая тишина текла вниз, ветер с моря гнал её и уминал в складки долинок. На холме дышалось легко, свежесть холодила спину под влажной от пота рубахой. Но, увы, звуки не радо-
вали слух, утомленный молчанием леса. Невнятный шепот плыл над темной тишиной, как пена: то проявлялся, то угасал. Голосов различалось два, причем один из них был до озноба холоден и странен. Зато именно он звучал отчетливее, воспринимался не ушами даже, а чутьем нэрриха...

– ... не отказываются, – вполне внятно вещал голос. – Иные идут к вершинам долго и устают в пути...

Кортэ, снова ощущая себя охотником, азартно усмехнулся и нырнул в душную, мертвую черноту лесных зарослей, поймав точное направление. Голос сделался тише, а затем вовсе угас, знакомая усталость глухого леса попробовала было всем весом налечь на спину, но нэрриха встряхнулся и упрямо заторопился, обдумывая: в чем именно он ощутил странность голоса? Тот, вроде бы, говорил на вдохе, горловым булькающим басом. Лишь однажды, странствуя далеко на востоке, в диких степях, Кортэ доводилось слышать сходное звучание. Шаманы рав-
нинных племен пели, вдыхая дым дурманных трав – и звали своих богов, не менее диких, чем
вся их степь, рыжая и пыльная, недобрая к чужакам.

– ... ошибка, известно от надежных людей: именно сюда, – на новом холме голос зазвучал еще внятнее. – Главное решится сразу...

Кортэ заколебался, одновременно и желая дослушать фразу, и опасаясь, что голос тогда смолкнет окончательно, и найти его источник сделается невозможно. Выбрав не подслушива-
ние, а все же поиск, нэрриха нырнул в очередную лощину, двигаясь едва ли не на четвереньках, ощупывая траву, ветки, камни и убеждая себя: шуметь нельзя. Спешить излишне – нельзя. Он
только что наткнулся на нечто важное, и любая глупость запросто развеет даже след тайны,

добытой у ночи случайно и готовой ускользнуть, раствориться во тьме. Вот и гривка, и опять тишина схлынула, как отлив.

– Коннерди весьма надежны, – сообщил все тот же голос. – Месть всегда была лучшей наживкой. Месть в сочетании с властью – неотразима.

Кортэ зашипел от злости, споткнулся о сказанное, как о преграду, и с размаху сел, не миновав вершину холма, не решившись нырнуть в тишину, так упустив существенное и даже быть может – главное. Коннерди – знакомый род, северяне, дальняя родня королевы. Еще недавно враги, а теперь – присягнувшие на верность вассалы, которые обменяли свою чуть ущемленную гордость на изъятые у вольных баронов лучшие пахотные земли и иные столь же выгодные и значительные дары Изабеллы Атэрийской.

– Патору придется принять неизбежное или отойти в тень, – закончил голос и смолк...

Кортэ смачно сплюнул, впечатал кулак в шершавую кору и нырнул в болото тишины, более не нарушаемой ни единым вздохом. Хуже того: пустота распадалась, впитывалась в ночь, как влага в сухую жадную почву. Духота гасла, ветерок проникал в лощины, ночные птицы сплетничали о своем, мелочном. Чутье нэрриха все полнее понимало ночь, и позволяло не спотыкаться в темноте, непосильной зрению. Ветер теперь спустился под кроны деревьев и трогал всякую веточку, самый тонкий листок, малый камень на тропе. Именно через ветер Кортэ уверенно опознавал впереди, не так и далеко, людей. Их трое и увы – у каждого конь. Выводят из укрытия, мнут траву... Уже все в седлах. Если повезет, двинутся навстречу, давая возможность преградить дорогу и взглянуть в лицо.

Более не таясь и не заботясь о возможных соглядатаях, Кортэ мчался по тропе, неутомимый и быстрый, как и подобает нэрриха. Мчался – и все же отставал от сытых резвых коней: два удалялись в сторону обители Десницы, третий скакал на запад. Весьма скоро Кортэ вывалился из зарослей на тесную полянку, зажатую древесными стволами, как дно бочки. Огляделся.

Тщательно залитый очаг испускал влажный, задушенный дымок. Собранный из веток сарай днем светился бы насквозь, и даже в ночи не казался надежной постройкой. Тропа, ведущая к обители Десницы, взбиралась на каменный склон: отсюда зримо начинались предгорья, скалы обнажались, показывая покрытые лишайником и мхом язвы старых осыпей и гладкие бока каменных склонов.

На запад, в низину, проворно убежал ручей, по самому его берегу теснилась тропка: в ладонь шириной, конному по такой двигаться – сплошная морока. Не унимая голоса, Кортэ выругался, пнул и снес собранную из жердей дверь сарая. Вошел, принохиваясь и морщась. Пахло травами, конским потом, дымом. Ничего необычного... Нэрриха нащупал в углу горку сухих веток, бросил несколько в каменный очаг. Подул, оживляя жар. Отхватил край рубахи, сунул к последнему слабому зернышку алости на влажных углях. Быстро настрогал щепы и накормил едва проклюнувшийся огонек. При синевато-рыжем дрожащем свете осмотрел сарай. Следы подков – обычные, на сухой земле подробнее и не разобрать. Вещи не забыты, явных признаков, позволяющих сказать хоть что-то о людях, недавно сидевших у очага – нет... Разве что ветерок трогает несколько волосков из конских хвостов, все – темные.

– Кортэ, ты дурак, ты упустил болтунов и не подслушал разговор, – сообщил самому себе нэрриха и добавил, криво ухмыляясь, в качестве небольшого утешения: – Но эти умные олухи понятия не имеют, какой же ты упертый дурак!

Залив очаг остатками разбавленного вина из фляги и для надежности еще раз – родниковой водой, Кортэ тяжело вздохнул, признавая ночь отвратительной, провальной. Он покинул сарай, сердито растирая впалый бурчащий живот. Осмотрелся, подмигнул светлеющему востоку и побежал все по той же, ведущей к обители, тропе – не таясь, не вслушиваясь в шорохи, не запрещая себе ругаться в голос.

Когда синяя вода дня залила угли рассвета и расплескалась во все небо, просторное и лишенное самой малой соринки облачка, Кортэ выбрался на опушку. Тут он позволил себе

отдых на обочине дороги – неширокой, но все же проезжей для телег. Тропка так ловко выныривала из очередного лесистого оврага, что вливалась в луговину неприметно для взгляда. Лохматые кусты и льнущие к камням можжевельники всякий раз смыкались, пропустив конного или пешего – и берегли секрет загадочных путников.

Отдохнув и внимательно изучив окрестности, Кортэ окончательно убедил себя: по лесной прогалине изгибается та самая дорога к обители, подробно описанная настоятелем Серафино. До места осталось всего ничего, лиг пять-семь. От столицы даже верхом на неустоимом Сефе удалось бы в самом лучшем случае добраться сюда к полудню: дороги изрядно извилисты. Впереди, в полутора лигах – деревенька. Наверняка чужаков там немного, на богомолье в обитель паломники обычно бредут к празднику Закладки камня, а до этого святого для почитателей Башни дня – еще полный месяц.

Предоставив врагам право на передышку, Кортэ бодрым шагом направился на поиски пищи, вина и сведений. Все перечисленное он полагал возможным добыть в любой гостерии, ведь людное место неизбежно кишит блохами, клопами и – слухами. Последние множатся быстрее кусачих тварей, даже самых отвратительных и плодovitых.

Перед гостерией сыто дремал у коновязи роскошный, статью не уступающий Сефе, вороной тагезский скакун. На краткий миг Кортэ задумался: волоски в сарае были темными... Но – нет, тот конь, чтобы оказаться здесь, проделал бы галопом долгий путь, а вороной выглядит отдохнувшим в стойле. Он ожидает ленивого хозяина, заспавшегося чуть не до полудня. Утратив интерес к лошади, Кортэ прошел во двор через тесную калитку и сунулся напрямик на кухню. Тощий работник нехотя поворотил к двери свой унылый, постный до отвращения, лик праведника, изможденного святостью. Немного подумал, тяжело облокотился о стол, прекращая выхаживать тесто. Кортэ вежливо поклонился и начал разговор. Работник кротко моргал белесыми, запорошенными мукой ресницами, молча слушая небогатого гостя.

Нэрриха вежливо и многословно поздоровался, рассказал о дороге и спросил о видах на урожай, старательно подлаживаясь под неторопливый деревенский строй общения. Поклонился еще раз, перешел к делу: назвался паломником, посетовал на скудость средств и голод, попросил снабдить хоть какой пищей, позвенел для убедительности медяками.

– Все вы за божьим именем прячете грехи, – укорил тестомес, внимательно и неодобрительно осмотрел массивного паломника, снова поморгал и кивнул в сторону дальнего угла кухни. – Там вон денежку оставь и бери с подноса все, что сочтешь вкусным. Постоялец нашу пищу объявил негодной. Им столичное подавай, гордые они. Все, ишь ты, гордые пошли, а ведь это – грех...

– Как верно подмечено! И я гордым был, – сокрушенно признал Кортэ, ссыпав медь на стол и жадно вцепившись в бледную, непропеченную лепешку. Утолив первый голод и отхлебнув уксусно-кислого вина, сын тумана добавил более степенно. – Вот, одумался. Одежду отдал нищему, коня оставил, желаю приобщиться к смирению. Для такого дела надо уйти от людных мест куда подальше.

– Вот уж да, вот уж верно, – вроде бы смягчился работник, снова принимаясь за дело. – Только у нас-то как сменился в зиму настоятель, так и иссякла святость. Не ходи ты в обитель, там оружие звенит и брань сыплется, молитвенного же слова, кроткого и мирного, даже в постный день не разобрать среди хулы. Шастают, все конные, все спешат, рожи таковы – разбойников в пору пугать, многие и ряс не носят, хуже: замковому камню в своде врат не кланяются...

Обретя слушателя и начав жаловаться, ретивый праведник взялся со вкусом и детально перечислять беды обители. Кортэ вздыхал, возмущенно охал, качал головой, ужасался – а сам, не брезгуя и надкушенным, исправно подьедал с подноса все, что оставил привередливый гость.

Из слов тестомеса сделалось очевидно: в обители действительно накопились перемены, и столь значительные, что счесть их пустыми сплетнями невозможно. Было в длинном пере-

числении чужих грехов немало обычных жалоб, присущих, как полагал Кортэ, всем святошам. Сам нэрриха не забывал поддакивать тощему и охотно вторил о повсеместном упадке нравов и полнейшем неуважении младших к старикам – эту жалобу он помнил с первых дней пребывания в мире! За два века она не устарела и не приелась людям... Вдвоем тестомес и фальшивый паломник в мелкую мучную пыль перетерли зерно бестолковых слухов. Нашлись среди пустяков, как и бывает при внимательном переборе, и интересные сведения, их нэрриха выслушал с удвоенным вниманием: тестомес, радуясь неперечливому собеседнику, подробно пожаловался на плохой сон, невнятные голоса в ночи, упомянул и огни, время от времени горящие в темноте там, где нет ни селений, ни дорог.

Когда жалобы и домыслы начали повторяться по третьему разу без дополнений и перемен, тестомес прервал работу и принес сам, без просьбы и оплаты, парного молока для праведного паломника. Кортэ утолил жажду и решил: сливки сплетен он снял, прочее – несущественно. Выводы можно начать выстраивать и проверять. Пока ясно лишь, что никакие загадочные и приметные чужаки сегодня от самого рассвета открыто, по главной дороге, в обитель не наведывались. «Пустота» в окрестностях обители явление не разовое, подобное уже замечалось жителями и началось после смены настоятеля. И, увы, лошадей с темными гривами и хвостами у служителей много, почти все – именно такие...

– Благодарствую, – поклонился Кортэ, возвращая кувшин из-под молока. Потер затылок и задал еще один вопрос, на всякий случай. – А что за гость у вас, уж простите за назойливость? Это мыслимое ли дело: столь изрядно приготовленную пищу – да не отведать!

– Нэрриха, – скривился тощий, быстро сотворил знак стены и кивнул, заметив, как дрогнуло лицо «паломника». – Нелюдь, вот те знак! Божье ли дело: еретик явился в обитель, был принят, месяц жил в святых стенах... Благодарение Мастеру, хоть уезжает до праздника, покуда особо слух не разошелся.

– Настоящий нэрриха? – поразился Кортэ, и с сомнением покосился на тощего. – Уж не Кортэ ли?

– Мастер миловал, – вздрогнул тестомес. – Рыжий черт беснуется в столице. Наш-то нелюдь посмирнее, иной раз даже и здоровается. Пьет мало. Погромов не чинит. – Работник огляделся, шагнул ближе и шепнул в самое ухо гостю: – Только лучше бы пил. Нечистое с ним дело, ох, нечистое. Может, грех за ним великий...

Тестомес замолчал, осознав, как много сболтнул лишнего. Отвернулся, сгреб монеты и жестом указал на дверь – иди, кончен разговор. Кортэ посопел, вроде бы огорчившись. Для порядка спросил, нет ли ему, паломнику, какой несложной работы. Выслушал ожидаемый отказ. Еще чуток потоптался, двинулся к двери и уже выходя, уточнил:

– Этот... нелюдь, он уезжает? Уж до чего конь красив, глянуть радостно, а на ходу он и того, ну, значит, складнее и краше...

– Утром из обители явились сэрвэды, передали свиток. Видно, погнали еретика из святых мест, одумались, – кивнул тестомес, не дожидаясь завершения смутно выстроенного вопроса. – Он и приказал, значит, коня... А едой побрезговал. Ругался... твердил, рыжий столичный черт к эдакой гадости не притронется. И ему, значит, тоже не хороша.

– К святым камням-то пускают в полдень?

– Самое время налаживаться в путь, – успокоился тестомес, приметив смену опасной темы, и махнул в сторону обители. – Уже врата открыли, вон – звон пошел, на проповедь собирают, значит.

– Пойду, – решительно молвил Кортэ, сотворил знак замкового камня и прощально поклонился. – За пищу благодарствую, да будут крепки стены вашего дома.

– Воистину, – привычно отозвался тестомес.

Вороной скакун все еще переминался у коновязи, скучал, гонял мух небрежно расчесанным хвостом. Пыльная шкура не давала настоящего блеска, копыта были заляпаны плю-

хами полужидкого навоза. Кортэ прищурился, с раздражением оглянулся. Если бы конюх так плохо ходил за Сефе, быть бы тому конюху нещадно битым. Однако – не время распускать руки, отстаивая чужую лошадь. Куда важнее держаться тихо и думать. Кто из нэрриха мог жить в обители у чернорясников? Уж конечно не Оллэ. Из пяти иных сыновей ветра, часто навещающих в Эндэру, трое не связались бы с отдаленной обителью ни за какие деньги: найм для них серьезное решение, а чернорясники – сомнительный напарник. Нэрриха всегда говорят напрямую с патором или его представителем, доверенным грандом. Неплохо знакомый по давнему общему найму сын зимы – пятый круг, северный ветер, навязчивый страх перед покушениями – тот слишком брезглив, он не остановился бы в убогом рассаднике блох и клопов.

Остается неупомянутым совсем простое, даже слишком очевидное имя, первым пришедшее на ум и принадлежащее неразборчивому в привязанностях недорослю второго круга, к тому же обладателю вороного коня. Только Виону полагается как раз теперь целовать следы и смиренно нести походный мешок несравненного учителя – Оллэ. Внимать мудрости сына шторма, подражать ему в каждом жесте, тем более Вион посмел выбрать себе прозвище «сын шторма», прямо копируя Оллэ, что не только не принято, но даже и неприлично, зато выдает с потрохами степень завистливого благоговения... Все это не вяжется с догадками! Зачем Виону сидеть в глуши и поминать через слово «рыжего черта Кортэ» – то есть выказывать ревность, часто предшествующую у недоумков попыткам набиться в попутчики и даже ученики?

– Мало мне головной боли с внезапной славой, – отчаялся Кортэ, опасливо косясь на вороного и все быстрее шагая прочь от гостерии, к обители, а точнее – к лощине, способной скрыть путника. – Учить предателя, обманувшего малышку Зоэ? Как же! Да я отродясь никого не учил, Мастер миловал. Сам ищу, кому бы сесть на шею и свалить в довесок свои вопросы. Мне требуется трезвый, мудрый собутыльник... тьфу ты, собеседник!

За спиной, на приличном удалении, защелкали копыта. Не оборачиваясь, Кортэ слушал и разбирал: вороной двигается неторопливым шагом, его хозяин бредет рядом, бухает подкованными башмаками по звонкой дороге, почти каменной в нынешнюю сухую погоду. Ветер нехотя слушается владельца скакуна, которому отчетливо не хватает опыта даже для беглого осмотра окрестностей.

Тропка ползла к обители путем извилистым, как помыслы грешника, Кортэ брел и не спешил, вслушиваясь. Подковы и башмаки щелкали все тише: молодой нэрриха удалялся от обители. И, если он намеревался двигаться подобным способом, до столицы ему добираться – много дней... Странно.

– Или сошел с ума я, или чернорясники, – буркнул Кортэ, все более недоумевая. – Ловить нэрриха с помощью иного сына ветра – дело обычное... Но я старше и опытнее, значит, засада заведомо слабая, это раз. Рыжий Кортэ сейчас, если не слепые за ним следят, пьет в «Курчавом хмеле», или я вовсе зря срезал усы – это два. Наконец, встретив наемного олуха, я-то не изменю планов, но заставлю его подчиниться, и вдвоем мы еще вернее перебаламутим гнездо здешних злодеев... Так в чем хитрость?

Кортэ почесал зудящую кожу возле губ. Упрямо мотнул головой и пошел к обители, уже понимая, что в выбранном пути нет ни смысла, ни пользы. Сын тумана запоздало задался вопросом: что вообще он намеревался делать, добравшись сюда? Первый и явный ответ прост: он желал весело гулять и драться, раз в столице все знают в лицо и более не выстраиваются в очередь за тумакami. Получается, названная дону Вико причина поездки в сознании ловко подменилась более сложной задачей, занятой для драчуна Кортэ лично...

Или он намеревался совместить развлечение с делом, шумно вторгнуться в чужую обитель, крепко придушить настоятеля, разукрасить синевой всех оттенков рожи служителей и сэrvздов... Так просто и нелепо! Но разве тайны – настоящие, весомые – посылить выбить из тени на свет кулаком, пусть и крепким? Хотя, покидая столицу, можно ли было предполо-

жить существование заговора и тем более его размер? Он ехал чудить, будучи уверенным, что сама причина – мелкая и вздорная.

Подслушав ночной разговор, почуяв кожей удушающее безветрие, Кортэ теперь не сомневался: он нащупал в мирной и вроде бы благополучной Эндэре заговор, причем опасный. Басовитым голосом были упомянуты патор и семья Коннерди. Настораживал и способ общения, намекающий на то, что служители Башни допустили далеко не божье дело. Вдобавок нанят, если верить осторожному предположению, нэрриха... Загадочная пустота, как заверил тестомес, не первый раз висит в лесу и прячет нечто важное от внимания ветров. Получается, орден Зорких погряз в заговоре весьма глубоко: по тайным тропам скачут гонцы, вооруженные люди беспокоят деревню, да и настоятель в обители сменился слишком уж кстати.

– Гляну сам, а тогда уж решу, – уперся Кортэ, продолжая двигаться к обители.

Шел он по тропке, не меняя направления и не останавливаясь просто потому, что внешне ощутил пустоту, куда худшую, чем ночная, и пробовал сохранить хотя бы остатки былой уверенности в замыслах и расчетах, в себе самом. Увы... Оказывается он, нэрриха четвертого круга, проживший почти два века в мире людей, не понимает, как без синяков и крика вмешаться в серьезные дела этих самых людей? И тем более – как сделать хоть что-то, не причиняя вреда близким. Впервые за много лет у него есть эти самые близкие. Те, кто дорог сердцу. Те, кто делает сильного, ловкого, почти бессмертного и неопишимо богатого Кортэ – уязвимым.

До столицы, где осталась Зоэ, скакать или бежать два дня. А может, он вообще зря покинул Атэрру так спешно? Вдруг надо именно теперь всё бросить и мчаться на выручку малышке?

До долины Сантэрии добираться и того дольше, дней двенадцать, и это – загоняя коней и без скупости покупая новых. За невысоким перевалом совсем один и без поддержки – Энрике, презираемый орденом Зорких за то, что чернорясники вслух объявили «ересь и предательством интересов святой веры». Энрике, единственный служитель и смотритель новой и пока что не всеми признанной святыни – острова Отца ветров. Средоточия чуда, равного схождению священного огня, – так утверждает патор Факундо, рискуя и жизнью, и саном, и добрым именем. А еще в долине живет Хосе, совсем юнец, просто друг – но разве этого мало, чтобы за него болела душа?

– Оллэ, старый мудрюк, как же ты ловко отсиживаешься в кустах со своей гнилой мудростью, – зашипел Кортэ, распаляясь и кипя злостью. – Тут гнусь зажирает людей заживо, а тебе и дела нет! А кого мне еще спросить: что за пустота гноит лес, как можно обмануть и оглушить ветер? Ты знаешь, ты все знаешь... но молчишь равнодушнее святых, намалеванных на потолке и пялящихся одинаково умильно и на грешников, и на праведников.

Продолжая внутренне бурлить, Кортэ замедлил шаги, даже остановился. Вздохнул и старательно уставился в пыль, вынуждая шею гнуться, выказывая смирение хотя бы своим видом.

Перед воротами было пусто. Немногочисленные паломники и нищие уже внимали полуценной проповеди. Три служителя в потрепанных черных рясах подпирали стену и лениво переговаривались, поглядывая то на двор, то за ворота, на дорогу. Бредущего мимо Кортэ не удостоили и самым малым вниманием, тем подтвердив успех его маскировки. Нэрриха, старательно кряхтя и прихрамывая, протасился через двор. Отметил, что оседланных лошадей у коновязи нет, вооруженных людей не видно, а весь дозор на стенах составляют два старика, они как раз теперь разбрасывают хлебные крошки с таким блаженным и важным видом, с каким в столице бросают в толпу монеты, празднуя именины наследника.

Внешний храм, открытый для паломников, понравился Кортэ с первого взгляда. Невысокое строение, сразу видно: старинное. Прилепилось к обомшелой скале, дверь узкая и низкая, как щель. Первый же шаг через высокий порог погружает в полумрак, прохладу и отрешенность от суеты мира. Масляные лампы чуть вздрагивают подле стены, у первого камня кладки. На скромном возвышении в одну стертую щербатую ступень стоит, опираясь на посох, пожилой и на редкость мирно выглядящий служитель. Проповедь он читает не по-столичному,

без надрыва и показного усердия. Нет у старца ни усыпанного камнями символа первого камня, ни дорожной книги в золотом окладе. Служитель неторопливо разговаривает вслух – то ли сам с собою, то ли с собравшимися. И не выглядит огорченным малочисленностью паломников, и не требует через слово жертвовать на храм...

– Каждый вытесывает основу для кладки личной жизненной башни делами и помыслами, – чуть прикашливая, рассуждал служитель. – Одни берут мягкий камень – песчаник – в работу, себя жалеючи, себе потакая. Иные вовсе норовят сидеть без дела да после в один миг насыпать фундамент из песка, бездумно доверяя последнему дню и случаю главное дело жизни, смысл её... А кого тщимся обмануть? Только себя одних... По делам нашим и воздаяние грядет. Кто песок грёб, тот и останется вязнуть в песке. Кто песчаник тесал, создаст слабые ступени, до срока они рассыплются. Лишь усердные воздвигнут всход, столь высокий и прочный, чтобы дать доступ к порогу вышнего...

Старик вздохнул, слегка прикашливая, отвернулся, зажег от одной из лампад тонкую восковую свечу и установил её в углубление на первом камне. Поклонился, зашептал едва слышно «отдание почести», высоко ценимое Кортэ. Завершив молитву, старец обернулся, благословил всех и удалился.

Нэрриха дождался, пока паломники прошаркают к выходу, пока угаснет шум шагов и голосов, а затем уляжется и душевный непокой. Только тогда нэрриха приблизился к древней стене, тронул первый камень. Постоял, озираясь и чувствуя себя самым нелепым из пройдох: золото жжет ладонь, свое золото – а достать его почти невозможно! Откуда у бродяги достаток? Между тем, старому храму хочется отдарить сполна за согретую душу... По совести рассуждая, не только за тепло! Гнет тяжестью стыд и перед проповедником. Кого собирался избивать шумный дон Кортэ, покидая столицу? Этого вот немощного старика, горячо верующего и готового искать в чужой душе и малую искру – даже если на проповедь явится всего один паломник?

Последний раз воровато оглянувшись на щель входа, Кортэ ссыпал горсть золота под первый камень, погладил глянцевый прохладный блок, до стеклянной ровности заполированный прикосновениями. Успокоено вздохнув, Кортэ улыбнулся, поклонился и пошел к выходу.

Солнце после сумерек храма ударило яростно, ослепило раскаленным добела жаром дня. Пришлось на ощупь отыскать место и сесть, привалившись спиной к кладке стены. Двор обители оставался по-прежнему тих, только птицы гомонили, хвалили служителей за щедрость хлебного подношения.

– Некоторые полагают волков грешными уже потому, что те желают отведать баранины, – негромко молвил рядом голос проповедника. – Между тем, урожденная природа не грех. Грех – неумная жажда, вынуждающая при сытом брюхе резать все стадо, до последнего ягненка.

Кортэ смущенно пожал плечами, поднялся и поклонился, как следует. Полтора года жизни в обители научили соблюдать правило приветствия. К тому же уходить, не повидав старца еще раз, не хотелось, и Кортэ втайне обрадовался неслучайной встрече.

– Что, сразу видно, что я – волк? – буркнул нэрриха, поцеловав простой серебряный перстень и получив благословение.

– Так и я не овца, – повел бровью старик. Он, кряхтя, устроился рядом, на скамеечке, принесенной расторопным юным сэrvэдом. – Возраст берет свое, клыки выпали, шерсть повывезла, а повадки-то сразу вижу, на себя примеряю... Орден Зорких не таков, как мнится многим. Это по молодости братья жаждут сгребать души в костер веры – вилами. И я грёб, грешен. Глядел на пламя, а того не ведал, что создаю лишь страх, а страх – он еще не вера... Или уже не вера. Теперь вот из сырых углей по зернышку добываю огонь.хлопотнo это, трудно, а все одно, пользы поболее, чем от иных затей. Ты с чем пришел, оборотень? Не рычи, что вижу, то

вижу, не в своей ты шкуре, а только явился сюда сам... и значит, твой кривой путь выведет тебя к пользе и душевному благу.

– Как же, выведет... С чем я пришел? – усмехнулся Кортэ, глядя мимо собеседника, в сторону ворот. – Сам уже не понимаю, с чем и зачем. Не то я вижу, чего ждал.

– Первый настоятель древнего храма в горах избрал для нас имя Зорких потому, что полагал природу зрения исключительно сложной. Есть то, что доступно глазу. Но есть и иное, тайнописью внесенное в книгу души. Ты пришел в обитель ради явного, но чудо состоялось, и ты начал примечать сокровище... так я понимаю, – тихо молвил старик. Иным тоном уточнил: – Золота довольно ли оставил себе на дорогу?

– Конечно... Ловок ты подглядывать.

– Это ты неловок таиться, – рассмеялся старик. Покосился на ворота и тише добавил: – К обеду возвратятся здешние молодые волки. Спрашивай, что хотел и иди своей дорогой, мирный паломник. Новый-то настоятель, он пока что вилы предпочитает, горяч еще. Или выжил из ума... уже. Не разберу, мне свои грехи застыт взор.

– Что у вас...

– Погоди, – отмахнулся старик. Покачал головой и глянул на Кортэ прямо, так, что стал виден выплывший, почти белесый тон его собственных глаз. – Не умеешь ты спрашивать. Ну какое тебе дело, гость случайный, что у нас творится? Помогать станешь? Нет. То-то и оно... Давай я сам отвечу тебе то, что следует по моему разумению. Коротко отвечу, запоминай. Беречь надобно смутное и сложное дело нашего патора, за то молюсь ежедневно. Еще прибавлю – это тебе, для души: хорошо ты слушал в храме, хоть и явился не в срок. Так скажу... ходят люди, вздыхают, шепотом поминают тьму, зажигают лампы, смягчают тени – но все одно, страх в них велик. А что есть тьма? Только слово. Все настоящее в нас, внутри. У всякого и тьма своя, и свет. Ни отнять нельзя, ни влить извне, покуда нет готовогоместилища. Сосуд же для тьмы и света человек prepares сам. Лишь плясуньи, так мне думается, по бабьей глупости одни сосуды бьют в осколки, а иные наполняют, иногда не брезгуя и мутными источниками, черпая без души и дозволения.

– Ничего не понял, – признался Кортэ. – Кроме того, что дорога моя выложила петлю и теперь ведет в столицу.

– Может, и так, – старик с некоторым сомнением пожевал губами.

Встал, кряхтя и растирая спину, сокрушенно покачал головой, перехватил посох и побрел к воротам. Кортэ проводил проповедника взглядом. Обернулся к сэrvэду, явившемуся унести скамейку.

– Это кто был?

– Черный Убальдо, – отозвался юноша, глядя вслед проповеднику. Опасливо сотворил знак стены и добавил, не в силах сдержаться: – Восьмой раз за месяц является. Спаси нас святой Хуан от гнева пламенного.

– Ты о нем, как о призраке, – заинтересовался Кортэ.

– Сеньор, зря шутите, – шепнул юноша с отчетливой дрожью в голосе. – Отшельник наш строг, и кое-кому с ним лучше и не встречаться.

Кортэ неопределенно хмыкнул, встал и тоже пошел к воротам. Отметил: птицы улетели, их вспугнули вставшие на стене дозором молодые служители. В отличие от стариков, безмятежно кормивших птиц, эти деловито и буднично звякали оружием, перекликались. У ворот заняли места уже не трое – шестеро, и глядели они на нерасторопного нищего бродягу с отчетливым раздражением: иссякло время проповеди, убирайся...

За воротами день улыбался с присущей лету жаркой веселостью. Шелестела трава, лоснилась под лаской ветра. Вытоптанная конными широкая тропа сбегала по холму двумя плавными изгибами. Темная фигура старика обнаружилась неожиданно далеко, отшельник спу-

кался с холма уверенно и споро. Но недостаточно быстро, чтобы разминуться с конными, шумно и кучно скачущими от леса.

Кортэ нахмурился, сердито покачал головой и дернулся было ускорить шаг... Вспомнив о разговоре во дворе, тяжело и нехотя выдохнул сквозь зубы. Старец все верно расставил по местам: за спиной – чужая обитель, нет у рыжего нэрриха права лезть эдаким столичным чертом в здешние тонкие и сложные дела.

Следуя совету проповедника, сын тумана переборол порыв гнева, подобный шквалу чужого ветра. Сопя и вздыхая, побрел узкой тропкой к лощине, как и подобает паломнику, не лезущему под копыта конным служителям. Всадники у любого деревенщины вызвали бы оторопь, они мчались с гиканьем, при полном вооружении.

Взгляд то и дело возвращался к темному, едва приметному штриху вдаль – фигуре старика. Взгляд остро и раздраженно изучал всадников, летящим махом, не придерживая коней и не уводя их в сторону ни на волос.

Сделав еще пять шагов, Кортэ сплюнул, смачно выругался, поминая чертей, сосуды, тьму и многочисленных тупых баранов. Добавив несколько слов относительно своих маскировки и выдержки, сын тумана резко свернул на главную дорогу, пошел быстрее... снова выругался и побежал! В душе копилась тянущая неопределенность дурного, готовая лопнуть болью.

Передовой всадник разминул со стариком в каких-то двух локтях, и лишь потому, что отшельник уклонился ловко, ничуть не старчески. Второй конь пронесся еще ближе и опаснее. Кортэ ругнулся и рванул напрямик, через кусты и заросли! Он мчался, не замечая ям и колючек и понимая лишь одно: ему страшно смотреть на происходящее, но увы, он не успеет ничего изменить. Молодые волки выслуживаются перед своим новым вожаком, они в запале скачки пьяны и бездумны, готовы растоптать старика, неугодного в изменившейся обители.

Пыль мешала видеть толком, как двигается третий конь. Со стены, из-за спины, вскричали протяжно и страшно, тоже осознали: день обманул своей улыбкой, нет в его безоблачной теплоте добра – только горячечный азарт травли. Четвертый конь споткнулся на скаку и покатился через голову, завизжал, забился – и затих.

Пыли стало больше: теперь все верховые старались унять разгоряченных скакунов, закрутить по малой дуге, как можно скорее остановить. В сутолоке общей панической неразберихи Кортэ уже не видел старика и бежал молча, не тратя сил на ругань, выкладываясь так, как давно уже не приходилось.

Пыль висела тяжелым, как сама беда, облаком, прятала худшее. С ходу проскочив под брюхом ближнего коня – бешено хрипящего, с пустым седлом, – Кортэ нырнул вбок и вниз, уходя от удара копыт, перекатился, рывком преодолел последние канны, уже понимая с жуткой и окончательной отчетливостью: опоздал...

Споткнувшийся первым конь предсмертно скреб копытами корку натопанной земли, хрипел, а его всадник лежал ничком без движения: не успел бросить стремя и покинуть седло, в падении оказался подмят тушей лошади. Дородный служитель замер в немыслимой, извернутой позе, и вряд ли его убило падение – это Кортэ тоже понял сразу, отметив порванное горло и изуродованный затылок. Посох отшельника, повернутый острым наверх перед, торчал из груди второго спешенного служителя: опрокинутый навзничь, он мертво, удивленно всматривался в небо... На груди покойника серебрился знак замкового камня в драгоценной гербовой оправе – носить такой позволялось лишь настоятелю.

Сам старик был тут же, но его Кортэ по-прежнему не мог увидеть: служители сгрудились возле тела и испуганно, как-то ошарашено молчали. То есть – трезвели после удалой скачки...

Нэрриха зарычал, досадуя на помехи, смахнул в сторону одного чернорясника, швырнул прочь второго, распахал прочих. Теперь он наконец смог опуститься на колени рядом с проповедником. Старец еще жил, хотя ему было мучительно каждое вздрагивающее усилие смятых, разбитых ребер. След подковы отпечатался на рясе жутко и точно, во всех подробностях. Над

стариком, нелепо и бессмысленно стряхивая пыль с его босых ног, причитал крепкий и смуглый чернорясник. Было странно видеть, как по-детски испуганно дрожат его губы.

– Никто не думал даже... Как же это? Конь понес, он не хотел, не может быть... Вы бы в сторонку, кони-то лютые... Да как же так? Да что же это, Мастер, спаси нас всех, милости прошу...

Кортэ оскалился с тяжелой и злой горечью. Тот, кто мнил себя вожакom в здешней своре, зря счел старика беззубым, даже жалким. Зря пробовал выказать полноту недавно добытой и еще свежей, сладкой на вкус власти, зря норовил растоптать уважение к делу и имени Убальдо. И совсем уж напрасно не побоялся страшить конем старца, обманчиво дряхлого, согбенного. Ведь наверняка – не в первый раз они сошлись на склоне, весьма широком для трех карет – и безнадежно узком для двух недругов. Не в первый раз новый вожак нагло показывал зубы, но теперь уж точно – в последний.

Было почти смешно смотреть, как суетятся служители, не глядя в сторону двух жирных «баранов», зарезанных Черным Убальдо на его последней охоте... Кортэ выдохнул, ощущая всем своим ветром боль старика – как она толчками вливается в разорванную его грудину. Увы, сын тумана не учился у Оллэ и не успел воспринять наставления Ноттэ, он не освоил того, что дано пятому кругу опыта – право и силу выделять раха, целить людей... Пока что Кортэ освоил лишь отнятие жизни. И оттого сполна ощущал тянущее, мучительное отчаяние.

Белесые глаза старика на миг стали осмысленными, нащупали Кортэ. Губы дрогнули, выдыхая важное, но невнятное. Служители склонились и замерли, пытаясь уловить каждый звук. Но разобрал сказанное лишь нэрриха – тот, кто умеет внимать ветрам.

– Некоторые надо разбивать, пока они пусты, – упрямо выговорил отшельник. И добавил: – Уходи...

Кортэ разогнул спину, огляделся, осознавая себя воистину невидимкой среди белого дня. Кругом теснились, охали и причитали вооруженные люди, они наверняка знали приметы рыжего нэрриха и имели указание искать его, высматривать, а то и ловить. Но указания утратили смысл со смертью тех, кто распоряжался в обители. Тех, чьи тела теперь топтали, не потрудившись оттащить в сторону.

На убитых не желали взглянуть, их, может быть, мысленно и не считали достойными взгляда. Это ведь удобно – сгрузить свой грех на чужие мертвые плечи. Все мчались одной сворой и заходились азартным криком, все не пожелали объехать старика. Но себя простить куда проще и важнее, чем кого-то еще.

– Надо разбивать, – буркнул Кортэ, сосредоточенно сжал губы, поднялся с колен и побрел прочь, не оборачиваясь. – Сосуды, тьма, патор, плясуны... Неужто нельзя было выложить дело толком? И дожидаться, пока я соображу, что мне сказано. Попробовали б говнюки на меня наехать... Ладно, в столицу. И поскорее, так велено и так будет. Прежде прочего патор, значит. Или как он сказал? Дело патора. Черт, как же тут разобраться? Наехали они, как же. Этот мудрый придурок дождался меня в засаде, высмотрел и сказал то, что полагал важным. А после сразу сделал то, что давно задумал. Как просто! Я не понял и допустил. Волки, овцы... И один на целую округу пустоголовый баран Кортэ. Хоть волосы срежь под корень, хоть выскобли до синевы бороду, выходит неоспоримо: я рыжий, я во всем виноват.

Солнце нещадно пекло голову, и хотелось верить: на душе черно и жгуче-тягостно из-за этого всепоглощающего жара. Дорога слоится и плывет перед глазами. Куда идти? Зачем сбивать ноги и рвать душу, если снова можно так же вот – опоздать и ничего не изменить в жизни и смерти людей. Тех, кому высшие не дают права возвращаться в мир. Может, такова их, богов, злая шутка? А может, великая милость. Нэрриха, в отличие от людей, не вправе уйти, даже страстно желая покоя и забвения. Даже утратив веру в себя, мир и людей. Даже отчаявшись и похоронив всех, кто был дорог. Дети ветра обречены возвращаться из-за порога смерти, дарующей людям свободу от грехов и прозрений, долгов и обид. Нэрриха в чем-то

почти боги, но в ином – рабы, вынужденные снова и снова впрягаться в лямку бытия, помня утраченное и не находя в памяти ни радости, ни отдыха для души, ни облегчения для совести.

– Оллэ, значит, просто слабак, – хмыкнул Кортэ, распрямляясь и поводя плечами. Сплюнув в пыль, он высморкался, старательно растер ладонями лицо. – Оллэ жалеет себя. Я тоже попробовал. Дерьмо. Вся эта жалость – вонючее жидкое дерьмо. Меня ждут, а я тут спотыкаюсь и мокрым носом музыку играю.

Сделав столь определенный вывод, Кортэ зашагал быстрее, а затем и побежал, негромко, но изобретательно ругая себя и дорогу. Не дал он спуску и старому волку Убальдо, который нажил седину, но не научился прощать, хотя Башня велит молиться за врагов изобретательно и многословно, тем ограничив их прижизненное наказание.

До самого заката Кортэ упражнялся в нехитром остроумии, старательно избегая мыслей о праве на дурное настроение и уныние. Дорога выглядела пустой, что по идее весьма огорчительно для голодного путника. Но Кортэ не огорчился и надеялся на перемены к лучшему. Когда из лощинки приглашающе подмигнул рыжий глаз костра, нэрриха заинтересованно хмыкнул и заспешил на огонек, полагая себя желанным гостем. И даже не посторонним...

Вороной конь пасся, стреноженный и накрытый попоной. Заботливый хозяин скакуна сидел у огня и жарил, судя по размеру порций, убийственно сытный ужин. Значит, ждал гостя.

– Вион, какого рожна ты свалил от великого нашего мудрюка и замшельца Оллэ? – не здороваясь, Кортэ приступил к выяснению отношений. Рухнул в траву, блаженно вытянул ноги, содрал с временного вертела полусырой, обжигающе горячий кусок и пробурчал, пережевывая жилистую старую баранину: – К кому ты нанялся ловить меня?

– Мне страшно, – выговорил младший нэрриха, глядя в огонь и не поворачивая головы. – Я надеялся, что ты придешь до ночи и... и надеялся, что ты не придешь вовсе. Мне стыдно. Они сказали – великое знание. Мне одному. И ничего им не надо взамен.

– Ха! Плюшки дарят даром дуракам, – рассмеялся Кортэ, облизывая сожженные подушечки пальцев. Упрямо вырвал с рапиры второй кусок мяса. – На тебя похоже, тебе надо великое, ценное и непременно без дележки. Это пройдет. Перебесишься. По себе знаю.

– Мне страшно, – повторил Вион и смолк.

Сгорбился, натянул плащ на голову и стал выглядеть совсем жалким, невзрослым, готовым в любой миг расплакаться или упасть ничком и закрыть голову руками. Кортэ пожал плечами, возмущенно хмыкнул и продолжил трапезу. Потакать чужим страхам он не желал, лечить от них – не собирался. Тем более Виона, чье имя до сих пор не следовало лишний раз повторять при Зоэ: малышка сразу скучнела и отворачивалась. Этого нэрриха она недавно числила частью своей семьи, и, пожалуй, до сих пор ничего не изменилось – предательство не прощают именно тем, кто не безразличен. Додумавшись до такой идеи, Кортэ сыто вздохнул, откинулся на охапку заготовленных Вионом веток, накрытых конским потником.

В небе, бархатном и чуть лоснящемся последними бликами заката, теплились лампы первых звезд. Неутомимые святые вышли на молитву, Кортэ горько усмехнулся: сегодня к тому есть особенный повод. Старик Убальдо уже высоко взобрался по ступеням своих прижизненных деяний. Хочется верить, что столь решительный человек без помех достигнет порога вышнего. И, помня заветы старого волка, следует не жалеть себя и не растрачивать на пустяки, а сразу взяться за трудную работу по твердому камню. Кортэ судорожно, морщась и постанывая, зевнул. Повернул голову и еще раз изучил смятого страхом, осунувшегося спутника.

– Я тебя прощаю, – величественно сообщил сын тумана. – Понял, огрызок? От имени всех рыжих прощаю, заодно от имени Зоэ и нашей нелепой семьи, невесть как составленной из младенцев, баранов и ублюдков. Ты всё еще часть семьи Зоэ. Это неизменно, хотя подобной доброты ты точно не стоишь. Но, раз я уперся и простил, изволь портить ночь дельными жалобами. Валяй, я весь внимание. Ты предал Оллэ?

– Зоэ имеет право презирать меня, – легко признал Вион. Наконец-то он повернул голову и глянул на Кортэ, даже попробовал улыбнуться, но губы задрожали и исказились гримасой страха. – Никому подобное не запрещено. Я охотился на Ноттэ и был прощен, я пробовал присягнуть королям Тагезы, но Изабелла не назвала это изменой. Я бросил Зоэ, хотя обещал ей защиту.

– Но ты снова прощен, – кивнул Кортэ.

– Я умолял Оллэ взять меня в обучение, на коленях стоял... – нехотя, с отчетливой болью, выдавил Вион и едва слышно продолжил: – Он прошел мимо. Я таскался за ним полгода и всем лгал, называясь учеником. Громко лгал, а он не слышал и не слушал. Мне стало казаться, что я пустое место и даже менее того. Надежды рухнули, ничего не осталось... Совсем ничего.

– Вытри сопли и говори внятно, – велел Кортэ. Хотел добавить несколько колючих замечаний, но передумал. – Ты не безнадежен, пожалуй. Ты решился сказать вслух то, о чем проще промолчать. Уже неплохо... Знаешь, я тоже предал Ноттэ и такого наворотил вместо признания вины... Ползал на коленях, напрашиваясь в ученики, а сам надеялся добыть из тайника под кроватью арбалет. Ха! Я уже привык к его трофейному эстоку, поверил сам в свое вранье о победе над сыном заката, якобы добытой в честном бою.

Вион кивнул, снова стал рассеянно глядеть в огонь и кутаться в плащ, хоронясь в тени капюшона, натянутого до самых глаз, словно душоватая сухая ночь – холодна и неприветлива. Губы кривились, гримаса делалась болезненной и даже жутковатой.

– Они пришли и сказали: все изменится, великое знание сделает тебя сильным, – шепнул младший нэрриха. Глаза блеснули сухо и тускло. – Ты станешь лучшим, сможешь прирезать Кортэ и дать совет Оллэ. Короли поклонятся тебе, а маджестик объявит святым.

– Дети людей в такие смешные сказки не верят уже к пяти годам, набравшись ума, – настороженно отметил Кортэ. – Что «они» попросили взамен?

– Ничего... Совсем ничего, – замотал головой Вион, кусая губу и из последних сил сдерживая отчаяние. – Сказали, есть древний ритуал, еще из времен ложных богов. Башня подобного не одобряет, но ради великого знания... Если я признаю над собой руку ордена Зорких...

– Ага, всё даром, но найм пожизненный, – хмыкнул Кортэ. – Малыш, тебе бы лет десять потолкаться в квартале ростовщиков, пристроиться хоть переписчиком долговых соглашений и поучиться жизни. На словах всё даром, а после по бумагам выходит, что удавиться не на чем, веревка – и та в закладе, не говоря уж о шее. А как иначе? Дураки вроде стада, хочешь – сразу режь, а хочешь – паси, позволяй им накопить жирок, и после свежуй...

– Договор составляли именно в том квартале, – едва слышно признал Вион. – Не знаю, что в нем... Вспоминаю, когда оно скручивает меня и... ломает. После того, как я дал согласие, меня доставили на остров Наяд. Точно знаю, что пробовали повторить пляску, такую, какая стерла из мира Ноттэ. Но самого острова не помню, много чего еще не помню. – Вион обреченно поглядел на спутника. – Лучше уходи. Вон, звезды гаснут. Когда последняя догорит, сразу станет полдень, а я опять не вспомню, за что теперь в ответе. И чья кровь на руках... Скорее уходи, коня заberi, поскачешь галопом – я, пожалуй, и не догоню. Спешу: всего-то осталось пять звезд..

Младший нэрриха прищурился, обратил лицо к небу, густо засыпанному жемчугом созвездий, – и Кортэ ощутил, как по спине пробегает холодок настороженности. Лампады святых не отражались в пустых глазах Виона, подобных двум дырам, пробуравленным в крошечный, нездешний мрак.

– Четыре, – всхлипнул Вион, уже не сдерживаясь. По щеке скатилась слезинка.

– Не считай на убыли, это к неудаче, примета надежная, – Кортэ растер затылок и подбросил в огонь несколько веток, выделяя себе время на размышление. Управившись, он заговорил снова. – Никуда я не поеду. Более нет сомнений: ты и есть ловушка для меня, рыжего барана, не умеющего менять решений. Пусть так. Не хлюпай носом! Смерть не особенно вредна

нэрриха. Людей поблизости нет, так что, если твое «великое знание» может прикончить меня, не беда. Вернусь – обстоятельно разберусь и с Зоркими, и с ростовщиками, и со всеми прочими уродами. Но тебя по своей безмерной доброте, граничащей сегодня со святостью, я заранее простил. Кстати, ты не попробовал перерезать себе горло? Найм бы иссяк вместе с этой жизнью.

– Три... Я хотел, – кивнул Вион, продолжая глядеть в небо. – Только они и это учли в договоре. Не могу навредить себе. Я не хозяин даже собственному телу. Две. Страшно...

– Пока звезды не закончились, ты ужними штаны, чтобы не обмочить, – разозлился Кортэ.

– Пока не поздно, зарежь меня, – едва слышно предложил Вион. – Ты можешь, ведь так?

– Не могу, – расхохотался Кортэ, бросая в огонь ворох хвороста, чтобы пламя сразу взвилось большое и яркое, чтобы младший нэрриха хоть так обрел поддержку света в обступающей его тьме отчаяния. – Не убиваю тех, кого простил. Вдобавок твердо знаю, ростовщики – они пройдохи с опытом. Ускользнешь от найма, он нагонит тебя и требует долг еще похлеще, двойной мерой, тройной. Нет уж. Мне интересно глянуть на ловушку в действии. Сколько там звезд?

– Одна, – обреченно шепнул Вион.

– Ты в бога-то веруешь? Хоть в какого, не важно.

– Ну...

– Ясно. Самое время отрешиться от ереси и безверия, – подмигнул Кортэ.

Сел прямо и начал с серьезным видом выговаривать текст отдания почести Мастеру, неизбежный и неизменный на все случаи жизни. Вион шмыгал носом, стыдился страха и не имея сил превозмочь себя. Кортэ наоборот, испытывал горячий азарт, который и сдерживал мерным течением слов молитвы. Он не видел черноты и не замечал убыли звезд, зато всей кожей ловил поток тишины: душное безветрие ливнем рушилось из тучи-невидимки. Пустая, глухая ночь потоком заливала низины, поднималась все выше, заставляя замереть и не вздрагивать даже мелкие листочки в древесных кронах. По ширящейся неподвижности леса удавалось зримо проследить проявление чуждого в мире. Кортэ следил, щурился и усмехался. Вчера ночью подобное наблюдалось впервые, выглядело жутковато и, чего уж таиться от себя, действительно угнетало, даже пугало. Сегодня все иначе. Источник неведомого рядом, причин опасаться стало больше. Но страха нет. Может быть, его сгубил Черный Убальдо, человек, не способный вернуться в мир и все же вполне безразличный к смерти.

– Значит, пустые сосуды и полные, разбитые и целые... – буркнул Кортэ, завершив молитву и глядя на Виона – замершего и вроде бы забывшего дышать, одеревенелого. – И дурные бабы, коим до Зоэ – как мне до Ноттэ. Наплясали без ума и души, нам на беду... Поглядим.

Тело Виона расслабилось, мешком сползло наземь и снова зашевелилось. Пальцы подергивались, кашель вынуждал спину вздрагивать, мят в мучительных корчах. Постепенно судорога сошла на нет, тело замерло, а затем уверенно сменило позу на сидячую. Нашупало рукоять рапиры, обнажило оружие и постучало кончиком лезвия по башмаку Кортэ. Пустые глаза обращенного к огню лица по-прежнему выглядели прорехами в извечный мрак. Выражение расслабленного безразличия уродовало красивое молодое лицо, превращая в маску. Губы двигались неестественно, неловко, словно жевали слова и давились ими, заглатываемыми на вдохе.

– Великое знание дает силу. Дает опыт. Я обрел дар и теперь уничтожу тебя без всякого усилия. Ты мне не противник. Смирись.

Горловой отвратительный бас оказался тем самым, подслушанным вчера, ожидаемым – и все же жутким. От рокошущего звучания спину сек град озноба. Кортэ повел плечами, прогоняя мерзкое ощущение. Заставил себя разжать руку на рукояти клинка, а затем, шипя и рыча, непослушными пальцами растегнул пояс и отбросил оружие в сторону. То, что управляло телом Виона, проследило за бряцающим падением эстока и ножа. Оно не ожидало подобного

и уставилось прорехами мрака на Кортэ, разыскивая в нем ответ. Затем внимание переместилось на золотую монетку в ладони сына тумана, добытую из кошелья ради занятия руки – и борьбы со страхом. Монетка то взлетала, по снова ложилась в кулак. Голова Виона дергалась и кивала, послушно следила за движением.

– Я сильный, – рыкнул бас.

– Ну да, а как же, – сипловато согласился Кортэ. Рассмеялся, обретая если не покой, то привычную наглость. – А я не самый дурной из дурных. Хочешь прикончить, сильный? Давай, вперед. Только ради этого не стоило ловить меня сложно и долго. Найм опытных убийц или изготовление яда куда проще, чем год возни с малышом Вионом.

Ответом стало долгое молчание, затем спину Виона согнула судорога, кашель длился и длился, пока не вынудил тело обессиленно скорчиться... Скоро оно снова гибко и точно приняло сидячую позу. Губы деревянно улыбнулись.

– Умно. Но глупо. Ты пробуешь дергаться, хотя ты – весь мой, тебе уже не уйти.

– Да я и не пробую, я жду, – Кортэ напоказ зевнул и сыто почесал живот. – Предложения жду. Выгодного.

– Золото? – На сей раз, видимо, исчерпав силы тела и пользу устрашения, хозяин Виона говорил не басом на вдохе, а вполне обычным голосом.

– Тебе одолжить? – сочувственно хмыкнул Кортэ, приходя в наилучшее настроение готовности к большому торгу. – Время идет, я хочу спать, а ты скучнее брата Теодора, ведущего нуднейшую праздничную службу вместо нашего славного настоятеля. Вот он-то свят, он умеет быть кратким и в постные дни.

– Твоя цена? – с сомнением отозвался голос и для солидности забасил на вдохе: – Только единожды я, высшая сущность, снисхожу до выслушивания жалких мелочей.

– Высшая, – с фальшиво-почтительным благоговением поразился Кортэ, ощущая себя почти хозяином положения, пусть и временно. Задумался, вслух бормоча обрывки молитв и осеняя себя знаком замкового камня. Заодно Кортэ присматривался, как на молитвы реагирует тот, кто смотрит глазами Виона. Пауза затянулась, Кортэ почувал это и звучно молвил «воистину!». Затем иным, деловым тоном, продолжил: – Как славно ты успокоил меня, Бас. Я буду звать тебя так, неловко без имени... Так вот, Бас. Что я подумал, то останется между нами. Ты высший, ты прочел в мыслях. Вслух изложу лишь мелочное и суетное: денег мне хватает. Я богат, жадность моя сыта. Но я зол! Как я зол... Ревность кипит, пусть она и грех, но уж что есть, того не утаить от высшего. Ты пообещал великое знание Виону, жалкому слабаку. А мне, знаменитому и могучему нэрриха Кортэ, грозе столицы, даёшь всего лишь золото?

– Знание без оплаты обещают тем, кто никогда его не получит. Таких используют вслепую, – заверил Бас. – Но ты умен и опытен. Я готов предложить договор на крови. Всё без обмана, найм в обмен на то, чего не получил Вион. О, дар будет щедрым. Мой опыт сделает тебя мудрее Оллэ. Ты станешь непобедим в бою, мудр и воистину бессмертен.

– Так, ясно, – Кортэ хлопнул себя по бедру и настороженно сощурился. – Не утаю, я опасаюсь ереси, поскольку в вере тверд, как и велит нам Мастер. Но знание – лишь оружие, в должных руках оно принесет пользу, а мои-то руки чисты. Значит, нет причин бояться тьмы. Продолжим... Ты прав, я слаб и привык к суетному, но надежному. Уж прости, каков есть... Позволь высказать предложение. Первое. Три дня ты не тревожишь тело мальчишки. Тебе не заметно, но я-то вижу: он истощен и скоро погибнет от утомления. Тело требует отдыха, о высший, хотя с твоим всемогуществом подобное непривычно. Малыш не спит ночами и бодрствует днем. Он отошал, издергался. Ослабь поводок, я присмотрю за ним. Не сбежит.

– Разумно, – предположил Бас.

– Как ты мудр, воистину. Второе, – не теряя деловитости тона, Кортэ продолжил торг. – Мне требуется договор. Письменный. Чтобы всё подробно, до самых мелких мелочей, я не такой дурак в торговле, за цыганское золото не продаюсь. Завтра я намерен отдыхать

и лечить Виона, хотя он и противен мне. Затем... да, два дня кладу на быстрый поход до столицы. Там меня должен ждать человек с договором. У тебя как, в столице есть... поддержка?

– Я высший, – напомнил Бас и, очнувшись, попытался вернуть утраченные позиции главного в разговоре. – Для меня нет невозможного. Нет расстояний и тайн. Я содержу в себе великое знание и использую его по мере потребности.

– Как мудро, как удобно и достойно, о высший... Третье мое замечание тоже будет к пользе, – Кортэ, почесал кожу у губ и хоть так, неловко, заменил привычку гладить изведенные под корень усы. Он настороженно рассматривал бледное лицо Виона, действительно едва живого. – Хотя я и не продаюсь за золото, сделка должна иметь обеспечение в надежном металле. Сто тысяч монет, а лучше слитки в тот же вес. Поскольку ты высший, вряд ли возникнут сложности с превращением свинца и ртути... или что там у вас, тьмою рожденных, в ходу?

Пока Кортэ говорил, тело Виона очередной раз сникло, ничком сползло в траву. Пришлось быстро качнуться вперед и подхватить несчастного под локти, чтобы тот щекой не угодил на горячие угли. Ткань одежды Виона на плечах и спине была насквозь мокрой от пота, дыхание — кашляющим, мучительно затрудненным.

Кортэ вспорол ткань и освободил Виона от рубахи, протер его спину краем плаща и завернул тело потеплее, укутал. Бас не проявлял себя. И, по мнению Кортэ, должен был вернуться нескоро. Кто бы ни прикрывался личиной «высшего», он, судя по разговору, был существом из плоти, далеко не всемогущим. Кортэ усмехнулся, чувствуя, как остатки суеверного страха уходят, как крепнет злость.

Спину и руки Виона свела судорога, предшествующая явлению Баса. Снова тело грациозно расправило плечи и гордо вскинуло голову. В тенях под ресницами накопился нездешний мрак.

– Утром четвертого дня от сего разговора будь в столице, в гостерии «Сизый голубь». Договор доставят туда, владелец тебя знает, сам подойдет. Ты получишь гарантии. Золото будет подготовлено. В слитках, без клейма, взвешенное надежными людьми и разложенное по сундукам.

– Поверенный, три свидетеля, – алчно засопел Кортэ, вцепившись в плечо Виона и торопливо уточняя условия сделки. – И еще: никаких клятв тьме и еретических ритуалов. Прямым нанимателем должен выступать человек, чья репутация безупречна. Я – Кортэ, и я уважаю себя, со швалью не знаюсь.

– Помни, с кем говоришь, – угрожающе зарычал Бас.

– Огради меня Мастер, – искренне ужаснулся Кортэ, сотворил знак стены и тяжело вздохнул, шупая оберег на шее.

– От меня нет спасения и в оплоте маджестика, я – высший, это истина, – захрипел Бас.

– Да вижу, вижу, что тебя... Вас и молитва не страшит, и оберег мой не унимает, – испуганно зашептал Кортэ. Покосился на тусклые угли. – Но я не желаю быть равным с мальчишкой. Не намерен дольше четырех дней оставаться с ним рядом, он жалок, с моим наймом польза от него иссякнет. А, пожалуй, зачем его лечить, кормить и тащить в столицу? Перережу горло, пусть Вион отправляется в пустоту и ждет нового воплощения. Мне есть за что мстить.

– Только я решаю, кто из слуг может покинуть мир, – взревел Бас.

Пустота сделалась глубока и мучительно-близка, звезды потускнели, воздух уплотнился, едва годный для дыхания. Кортэ без раздумий уткнулся лицом в траву, уже тронутую утренней росой, и завизжал. Он старательно, меняя тон и всхлипывая, выл и молился, пока чуждая тишина не иссякла, впитавшись в сумерки.

Едва привычный мир восстановился, и слух нэрриха смог воспринять голос родного ветра, Кортэ выпрямился, огляделся. Испытывая смутное похмелье, он нетвердыми руками разворошил вещи Виона, подхватил топорик и бегом бросился за дровами. Работа помогла согреться, выгнала из тела вместе с потом мерзостное послевкусие опасной ночи...

Скоро жаркий костер рдел и потрескивал. Распоротая рубаха Виона и прочие его вещи, наспех выстиранные в ближнем ручье, сохли на палках. Тело младшего нэрриха было старательно растерто влажной тряпкой, а затем сухой, до красноты и жара кожи. Вион оказался завернут в плащ и конский потник, уложен у огня. Но даже так он не обрел покоя, то и дело постанывал во сне, похожем на навязчивый, утомительный бред тяжелобольного.

Кортэ присматривал за костром, жевал веточку и щурился, в подробностях восстанавливая в памяти разговор с Басом. Не вызывало сомнений присутствие загадки самого отвратительного и хищного толка. То, что вцепилось в Виона, было реально – и угрожающе непостижимо. Помимо жуткой нездешней сущности – Баса – в заговоре, очевидно, имелись люди. Они нашли, как пока что решил Кортэ, способ вызвать тварь, подчинившую Виона. У последнего сама основа жизни нэрриха – его раха, прядь ветра, – была угнетена и несвободна в результате согласия на некий договор. Но едва ли люди, вызвавшие чудовище, понимали до доньшка глубину и природу своей и чужой власти. Кто скажет: они ли хозяева? Кортэ снова и снова обдумывал разговор и начинал всерьез сомневаться в самостоятельности человека, сокрытого за рокошущим басом.

Когда угли стали пеплом, а мысли утонули в сумерках усталости, Кортэ последний раз проверил, надежно ли укутан Вион. И сам улегся отдыхать, подмигнув бледнеющему востоку. Нынешней ночью, полученными сведениями и своим поведением Кортэ был вполне доволен. Сон пришел сразу и оказался неплох: старый Убальдо шагал по широкой каменной лестнице все выше, ругался сквернейшими словами и пинал расставленные по сторонам пустые сосуды. Глина, камень, стекло, звонкая медь, певучее серебро с камнями и чеканкой – все сыпалось вниз, испуганно бренчало и гудело, а затем пропадало в пуховых облаках у подножия лестницы... Служитель ордена Зорких поднимался и поднимался, камни его лестницы были крепки. Плечи старца постепенно расправлялись, а голос приобретал зычность, настораживающую даже небеса.

Когда Кортэ проснулся, негромкое звяканье не пропало, в отличие от смачной – заслушаться можно – ругани Черного Убальдо, сгинувшей вместе с остатками сонливости.

Вион сидел у костра и помешивал кашу, спасая завтрак от пригорания. Вид у молодого нэрриха был голодный, жалкий, но не безнадежный, поскольку он интересовался пищей, принюхивался и облизывался. На Кортэ, почти лысого, ошетиленного смешной рыжеватой небристой, Вион поглядывал иногда и искоса, не решаясь беспокоить.

– Вроде бы сегодня обошлось, – осторожно предположил Вион.

– Как же! Обгадился ты крепко, когда хапнул наживку. Теперь ничего не обойдется просто так, не надейся, – прямо сообщил Кортэ. Резко сел. – Ну на кой ты мне сдался? Дел по горло, а ты в это вот самое горло вцепился пиявкой.

– Прости...

– Второй раз? Как ты себе представляешь это? Засранец ты, а я вроде мамки, вынужден пеленки менять и сказки сказывать, – огорченно признал Кортэ и принял свою порцию каши. Быстро уничтожил пищу, кивнул. – Нормально, но меда ты пожалел.

– Сколько было... Скажи, а что я делал ночью? Уже год я понятия не имею, что творю, когда угаснут все звезды.

– Сегодня ты трепался, врал и обещал мне золотые горы, – хмыкнул Кортэ. – Знаешь, ты не надежен, я это говорил?

– Да.

– Как я думаю, будь ты дерьмо полное, эта дрянь уже схарчила бы тебя. Но вы с ней не одно и то же. Она взяла посильное и не смогла выжрать остальное. Как говорил Убальдо? Нет в твоей душе достаточно большого и вовсе пустого сосуда, годного вместить непроглядную

тьму в её нынешнем виде, неразбавленном. Значит, убивать тебя пока не за что. Надо спасать. Если ты сам того желаешь.

– Желаю, – подтвердил Вион. – А кто такой Убальдо?

– Наш с тобой личный святой, – хмыкнул Кортэ. – Если б не он, лежать бы одному из нас у этого костра с перерезанным горлом. Потому что тьма сильна, но и мой страх поначалу был не слабее... Пока я не понял, что дрянь не читает мои мысли и даже не знает того, что ты рассказал мне вечером. Значит, она не всемогуща и вдобавок отделена от тебя. Ты не ведаешь, что она творит ночами, но и ей не легче: она понятия не имеет, что ты делаешь днем.

– Хотя так, – осторожно улыбнулся Вион.

– Именно, или я вовсе уж влип, и ловушка не по моим силам, – раздумчиво предположил Кортэ, изучая глаза Виона – темные, но вполне обычные, отражающие блики рассвета. – Ночами тебя скручивает крепко. Знаешь, сперва я струхнул, решил: тьма явилась за мной и тянет в сети, взвесив мои грехи. Эта тварюка басила и страшала, да еще и родной ветер не вздохнул ни разу, словно помер. Но потом... Я затеял торг. Гниденьш поддался, как дешевый лавочник. И вот в чем я после разговора уверен, по порядку... Он – тот, кто заодно с Басом – не гранд, не служитель и не дон, а всего-то шваль из торговых. Он распоряжается немалыми деньгами и имеет в деле интерес. Он страшится происходящего не меньше, чем я. И, пожалуй, желает заключить найм с обманом тех, кому должен служить. Потому что сам, повторяю, перепуган до судорог. О золоте он говорил, как ростовщик. Обо мне наслышан, даже опасается – вежливо так, настороженно и с надеждой... Если сдержит слово, если его самого не прижмут, впереди у тебя, малыш, три-четыре ночи спокойного сна. Пока все.

– Ты столько узнал за ночь, – поразился Вион, взирая на Кортэ с детским восторгом.

– Где черти носят Оллэ? – спросил Кортэ розово-синие небеса, почти надеясь в ответ разобрать ругань Убальдо, мысленно причисленного к самым толковым святым.

– Он шел на север, когда я отстал, – неуверенно сообщил Вион, собирая вещи и свистом подзывая коня.

– Не свисти, и так денег нет, – поморщился Кортэ, шупая кошель. – Черт! Сто тысяч в слитках... Прилично. Как бы мне сообразить: у кого в столице лежит в подвалах эдакое сокровище, да не одно, не последнее?

– Вы поедете верхом, учитель? – вжимая голову в плечи, уточнил Вион.

– Кортэ, – усмехнулся рыжий, хлопнул коня по шее и зашагал к дороге, не сделав попытки занять седло. – Ну, надумаешь льстить, зови меня, как я звал Ноттэ, полным именем родного ветра, то есть – Кор... Так меня никто не зовет. Знаешь, я, черт меня дери, тщеславен, этого греха уж вовек не избыть, сам вижу. Учить тебя я не намерен. Гнать – тоже. Сегодня идем без спешки, но и без привалов, я буду думать. Это для меня трудно, голова трещит... Но иначе нельзя. Так, начнем. Что мы знаем о семье Коннерди? Ну, их денежки я учсть способен, ста тысяч в живой монете там и близко нет, но к ним благоволит кое-кто жирнозадый, и если пройтись по окружению...

Глава 3. Семейные ценности

Сборы в дорогу оказались занятием на редкость утомительным и неприятным, ничуть не похожим на мечту покинуть город налегке, тихим утром.

В первый день приготовлений к отъезду дом сделался тесен, сундуки и короба захватили все пространство, а беготня слуг, причитания Челито и собственная неспособность отличить полезное от ненужного привели плясунью в настоящее отчаяние. Прежде Зоэ никогда не удавалось накопить много вещей и это – теперь она убедилась – было замечательно и правильно. Стоит добавить, что среди общего переполоха в последнем незатронутом вихрем сборов кресле безмятежно восседал Альба и играл на виуэле.

Невозмутимость названного брата казалась поистине нечеловеческой. Челито иногда срывался и, отказавшись от привычки не замечать присутствие нэрриха, распекал нелюдя на все лады, требуя принять участие в делах. Альба каждый раз откладывал виуэлу в сторону, молчал, внимательно слушая все доводы, попреки и угрозы старого моряка, кивал – и снова принимался за прежнее, едва Челито выдыхался и уходил.

– Аль, ну ты что! Он ведь всерьез обижается, – ранним утром третьего дня Зоэ укорила Альбу, все же решив встать на сторону деда.

Еще бы! Сборы достигли размаха губительнейшего из штормов: волны сундуков и коробов потекли к каретам, голоса прислуги рокотали, как шум прибоя, пена ругани все гуще приправляла жутковатое действо. Люди бегали туда и сюда, кряхтели с грузом и просто так, размахивали руками и давали советы, роняли тяжелое с грохотом, размашисто таранили углами сундуков стонущие дверные косяки. Дед кричал во весь голос, чувствуя себя толковым боцманом при плохой команде, собранной из портовой швали.

– К тому же сам видишь, безумие у нас полнейшее, – добавила Зоэ, не дождавшись ответа. – Ты уж хоть делай вид, что собираешься... Аль! Ты слушаешь?

– И стараюсь не сойти с ума, – улыбнулся нэрриха, снова трогая струны.

Ну как тут не сойти с ума? Прибыли новые указания от королевы, доставили несколько заказанных еще до переполоха и совершенно не нужных платьев, посол Алькема явился и лично подарил плясунье, покидающей столицу, достойного скакуна. Теперь облачно-перламутровый конь азартно обдирал последние цветки с многострадальной клумбы перед окнами комнаты Зоэ, а слуги обходили дальней тропкой подарок о четырех копытах, поскольку некоторые уже убедились в его отвратительном норове. Сам посол так впечатлился зрелищем сборов, что сел прямо на ковер у кресла Альбы... и предложил нэрриха спеть на два голоса.

– Да вы издеваетесь, – отчаялась Зоэ.

– О, прекраснейшая из сердитых девушек, – улыбнулся посол, – не стоит так серьезно принимать происходящее. Состоятельные люди умеют торопиться столь медленно, что лишены бременем имущества их повадки не понять никогда. Увы, теперь ты богата, ты любимица самой королевы. Терпи...

– Но Абу! – возмутилась Зоэ, пробравшись поближе к гостю через нагромождения вещей. – Вы могли бы с Альбой тоже как-то заняться... Помочь.

– Суэта недостойна мужчины, – с веселой и показной надменностью шевельнул рукой посол. – Иди, тебе не понять.

– Уйду и стану молчать. – Пригрозила Зоэ, глядя на нэрриха.

– Зоэ, я более года сватаю мою прекрасную сестру за племянника Бертрана Барсанского, – посетовал Абу, спасая приятеля от назревшей ссоры. – Два года прошло от первого осторожного разговора о браке... и мы почти близки к тому, чтобы начать обсуждение всерьез. Моя сестра, возможно, еще не поседает и не лишится зубов, когда мы задумаемся о подписа-

нии договора. Герцог за это время успеет трижды жениться и овдоветь, поскольку я неплохой лекарь, но ради семьи готов вспомнить и рецепты ядов.

– Ты ужасный врун, – хихикнула Зоэ, подходя ближе и с огорчением глядя на полноватого улыбочивого южанина, друга Ноттэ и Альбы, и, может быть, вообще самого лучшего после Челито человека в столице.

– Сядь, и тогда мы напоследок споем на три голоса, – Абу похлопал по ковру рядом с собой. – Я буду тосковать без вас. Столица стала скучна уже весной, когда орден Зорких взялся рьяно искоренять ересь. Теперь нам, иноверцам, ночами приходится после заката сидеть при закрытых наглухо дверях и заложенных окнах. Лишившись вашего общества, я превращусь в путника, сохнувшего в пустыне без глотка живительного общения... Увы.

– Но ты не возвращаешься домой, – отметила Зоэ.

– Я сын эмира Алькема, пусть и не старший, – тихо и грустно сказал Абу. – Пока я здесь, мир на юге имеет хотя бы малое и шаткое основание. Одни полагают меня заложником, иные – послом, кое-кто дома – предателем, но все же мы не переходим грани, незримой, но весьма опасной. Те, кого в Эндэре именуют псами войны, теперь весьма голодны...

– Ой, ну конечно! – всплеснула руками Зоэ и заторопилась, вспомнив важное. – Мы ведь не уедем прямо теперь?

– Не ранее обеденного времени, – предсказал Абу, осмотрев комнату. – Иногда я думаю: влюбленные юноши воруют девушек исключительно для сокращения срока на сборы в дорогу...

– Тогда я быстро, я успею, – пообещала Зоэ и торопливо пробралась к окну.

– «Твой стан в тумане шелка» или сперва «Взгляд газели»? – предложил на выбор Альба, подстраивая виуэлу и не обращая внимания на названую сестру.

Ответа посла Зоэ уже не слышала. Она привычно выпрыгнула в сад через низкий подоконник. Хлопнула по шее дареного коня, поощряя разорение цветника, подобрала юбку – и помчалась босиком, ныряя в знакомые бреши зеленых изгородей.

Дон Эппе нашелся именно там, где и следовало ожидать. Еще вчера слуги шептались, а Зоэ разобрала: Эспада изволил гулять преизрядно, вернулся поздно вечером с распоротой рукой, был весь грязный, заляпанный кровью – а вдруг и не своей? Пойди спроси, когда королевский пес мертвецки пьян и вдобавок опасно, неразборчиво зол: взял да и занял покои для отдыха стражи. Сперва дона Эппе пробовали усовестить и выдворить в его собственные комнаты, но выслушав мнение Эспады, не содержащее ни единого принятого в приличном обществе слова, кроме «идите» – повздыхали и ушли, сберегая здоровье, а может, и жизнь...

Близ захваченного Эспадой зала и теперь уныло вздыхали два стражника, прислушивались, переминались – но войти не пробовали. Увидев Зоэ, посветлели лицами, поклонились.

– Вас-то они изволят слушать, – осторожно начал один.

– Сказали бы вы им, негоже чужое-то жильё в конуру превращать, значит, – раздраженно добавил второй.

– Уж так не говорите, – испугался первый.

– Рэй! – попробовала Зоэ перекричать обоих. – Ты как, в уме?

– Н-ну, даже почти трезв, – хрипловато буркнул знакомый голос из полумрака за окном. – Скажи недоумкам, пусть убираются. Я намерен стрелять по всему, что движется, проверяя, не дрожат ли руки. Тут два лука и вроде, арбалет еще где-то.

Стражники хором охнули и дружно сгнули, сочтя место опасным, а дона Эппе – далеким от протрезвления. Зоэ села на подоконник, недоумевая, отчего именно тут он устроен высоким, неудобным? Пришлось прихватить юбку и одним движением перебросить ноги в зал. После улицы внутри оказалось темно. Плясунья немного посидела, привыкая к полумраку, и осторожно пошла вглубь по холодному мрамору, почти на ощупь, натываясь на скамьи и моргая, шурясь – но все же слишком медленно привыкая к густой тени, смешанной с едким дымом

погасшего очага. Пахло – и это было странно – не перегаром, а прогоревшим камином и чуть-чуть – старым потом. Уткнувшись в длинный стол, Зоэ огляделась увереннее и кивнула Эспаде.

– А я сегодня уезжаю. Вот, решила попрощаться. Абу, и тот уже скучает. Вдруг и ты тоже? Ума не приложу, как ты один останешься чудить? Без меня, Альбы, Кортэ... – Зоэ замолчала, хмурясь и с недоумением отмечая бледный, совсем безрадостный вид Эспады. – Рэй, что-то случилось? Тебе плохо?

– Мне уже год плохо, – скривился королевский пес. – Да, как раз дней десять тому назад исполнился год... Сядь. Хоть тебе могу рассказать. Ты права, кому ж еще? Я обязан королю жизнью. Десять лет назад он, тогда еще совсем мальчишка, прискакал со своими людьми и спас всех, кого еще не успели прирезать в доме семьи Эппе... То есть меня и трех слуг. Мой род не из самых старых и знатных, за отцом была дурная слава, поговаривали, что он обучает клинку и ножу наемных убийц, а не только благородных донов. Не знаю... Не хочу знать.

– Рэй, – Зоэ прошла мимо стола до самого его торца, погладила Эспаду по руке, отодрала засохший, жесткий от крови рваный рукав и охнула, быстро огляделась, выискивая воду и прочее нужное. – Ты бы хоть рану перевязал.

– Царапина, – презрительно поморщился дон Эппе. – Я королевский пес, я служу не за деньги... Он не позволил разорить дом и не допустил обвинений явных и тайных, суда черных и присутствия чернильных городских крыс, готовых раздеть покойника в гробу, требуя с опального мертвого дона по наспех выдуманным долгам... Такое не забывается.

Зоэ нашла подходящие емкости, тряпки. Принесла, поставила на стол, разложила. И занялась раной, вовсе не похожей на царапину. Эспада смотрел в пустоту, молчал и, кажется, не замечал ничего вокруг. Зоэ закончила перевязку, с сомнением осмотрела свою работу. Намочила новую тряпку, сунула Эспаде в ладонь.

– Умойся. Водички вот выпей, холодная.

– Смешная ты, заботишься, – безразлично отметил Эспада, послушно протер лицо и бросил тряпку на пол. – Обо мне никто не заботится... Некому. Иди, я рано протрезвел, ничего более я не стану рассказывать. Пора тебе.

– Ты приезжай, ну, навещать... – попросила Зоэ. От жалости защемило сердце, и она осторожно погладила Эспаду по волосам. – Пропадешь без нас. Если я не запрещаю тебе пить, ты вообще трезвый дня не проходишь. Приезжай.

– В женскую обитель? – в голосе Эспады обозначилась насмешливая заинтересованность. – Н-ну, туда скорее впустят вежливого черта, чем меня, даже и трезвого. Грехи чертей малопонятны и сокрыты в тени тонких намеков, мои же грубы и видны всякому. Зоэ, иди. Не травми душу.

– Тебе надо поесть, я сейчас найду хоть кого или сбегаю на кухню, – Зоэ забеспокоилась всерьез, отмечая густоту теней под глазами, провалы щек и тусклость глаз. – Рэй, ну хочешь, я вина принесу... крепкого.

– Пробовал, не помогает, – усмехнулся Эспада. Покосился на Зоэ чуть более осмысленно. – Ладно... Не вышло по-умному, признаю. Тогда уж будет, как будет. Пожалуй, тебе и впрямь пора, идем, провожу. Говоришь, еретик засел у вас?

– Который? Абу?

– Мирза Абу, – кивнул Эспада, поморщился, рассматривая перетянутую тканью руку. – Пусть глянет мою царапину.

– Царапину? Да там кость видна! – возмутилась Зоэ, подбирая с пола перевязь с тяжелой саблей и парой ножей. – Вот хорошо ты решил, идем. Абу полечит тебя. Ой, да ты только сидя трезвый...

Эспада захохотал, тяжело опираясь на стол и норовя подняться на непослушных ногах. Постепенно он переупрямил и хмельную голову, и ленивое тело, и побрел к окну, распахивая башмаком бутылки и черепки, спотыкаясь, бормоча разнообразные проклятия довольно

тихо и невнятно. Зоэ тащила оружие и сопела от возмущения. Эспада упал в окно, зарылся лицом в траву и переполз в парк, поминая лишённые святости части тела блаженного Мануэля, загаженный первый камень и самого патора, «блующего мозгами». Зоэ сокрушенно вздыхала и неслышно, одними губами, шептала извинения для блаженного и даже патора, смагивая слезинки. Ей было жаль Рэя, одинокого настолько, что и поругаться-то всласть не перед кем...

– Прекрати, твои оправдания не залатают моих грехов, – трезво и серьезно велел Эспада, щупая жалобно похрустывающий древесный ствол.

Он с трудом встал в рост, встряхнулся и побрел вперед – то есть в целом направление угадывалось, хотя тропинка вытаптывалась прихотливая, узорная. Постепенно свежий воздух и движение делали свое дело, изгибы спрямлялись, а скорость шага увеличивалась.

– Клянусь седалищем мученика Хосе, – весьма вежливо удивился дон Эппе, выныривая из низкого лаза в зеленой стене, обрамляющей полянку. – Эта лошадь достойна канонизации более, чем многие люди.

– Абу подарил, – сообщила Зоэ, глотая теплый комок гордости, щекочущий горло. – Это теперь мой конь.

– Ясно, – отозвался Эспада. – Принеси-ка вина, мяса и еще чего найдешь, но пожирнее и побольше. Вряд ли я ужинал, зато припоминаю все яснее: обед меня подло покинул еще до заката, и было это где-то возле дворцовой стены. Надо восполнить убыль.

– Сейчас, – пообещала Зоэ, с сомнением рассматривая дом, гулкий и осиротевший.

В распахнутости темных окон чудился страх перед неизвестностью грядущего, а слуги с вещами сновали – вроде крыс, покидающих корабль в его последний час. И только из спальни по-прежнему спокойно и уверенно лилась музыка. Как будто там и есть главное место: капитан ведь не оставит корабля в самый трудный миг.

Кухня, как и опасалась Зоэ, выглядела исключительно пустой. В подвалах тоже не нашлось ни единой палеты, ни единого бочонка с вином. Как обычно, отъезд дал многим возможность пожить. Переменить гнусного порядка нельзя, а если так, стоит ли тратить силы на раздражение? Зоэ топнула ногой, тихо и старательно повторила подслушанные только что у Эспады слова – про части тела блаженного и седалище мученика. Хихикнула, пообещав себе позже замолить небольшой грех сквернословия, так славно излечивший от гнева, куда более тяжкого на весах деяний и помыслов... Успокоившись, Зоэ быстро прикинула, где ближайшая кухня или кладовая, способные выделить ей, голодной королевской плясунье, корзину с дорожными припасами. И побежала со всех ног.

– Вы не одеты в дорогу?

Хлесткий, как пощечина, выкрик вынудил Зоэ остановиться. Она обернулась, кисло улыбаясь и не тратя себя на кивки или приветствия. Аделия де Виль, среди слуг прозываемая доньей Укус, торчала посреди дорожки, как пика. Такая же тощая, такая же негибкая и воинственная.

– Её величество прислали вам платье, подходящее для достойной девицы, которая следует в карете с известно чьим гербом, – слова маршировали ровно, чеканя кованные подошвы слогов-шагов. – Её величество прислали вам башмаки, веер и гребни для прически. Её величество помнили, что ваша простота, граничащая с дикостью, способна опозорить двор, запятнать честь и привести к скандалу.

– Ехать-то недалеко, – затосковала Зоэ, косясь в сторону кухни. – Я хотела корзину с едой попросить, а уж после...

– Зато идти – всего двадцать шагов. Вперед! – приказала донья. – Я лично прослежу, чтобы вы оделись подобающе. Эй, слуги, проводите эту наглую девку! И да, отправьте корзину с едой в парковый домик, передайте её тем, с кем порядочная девушка в одной комнате и находиться не должна, о чем прямо было сказано её величеством.

Зоэ почувствовала себя последней живой еретичкой в крепости, захваченной воинственными служителями ордена Зорких. Её окружили люди в черном и молча, сосредоточенно повели на казнь. Спорить было невозможно: с доньи Уксус станется приказать выкрутить руки.

Аделию де Виль боялся до икоты все женщины двора – равно и старухи, и девицы, и даже неразумные младенцы, еще тянущие ручонки к материнской груди. Недоброжелатели шепчутся: наемная армия короны приобрела бы немало, поступи баронесса де Виль на службу и займись она порядком в казармах... Увы, донья изводит двор. И дважды увы: королева благоволит чудовищу в черном, именуя Аделию «моя милая садовница» и позволяя создавать из двора подобие организованного, тщательно прополотого цветника. Будучи главным сорняком в упорядоченном розарии, Зоэ поежилась и вздохнула: опала не так весела, как казалось. Еще вчера можно было хмыкнуть и убежать от доньи Уксус. А сегодня... Стоит ли огорчать Изабеллу и устраивать мерзкую ссору в последний день? Слуги шепчутся: её величество снова ждет ребенка, а потому раздражительна и даже гневлива. Ей весьма часто бывает плохо, ну зачем давать повод к мрачному настроению, оставлять о себе дурную память?

– Бедная королева, – Зоэ поплелась под охраной туда, куда велено. – Я-то скоро уеду, а ей каково?

Одевание прошло быстро, новый наряд оказался ожидаемо отвратителен: тесный корсет, глухое черное платье, темный кружевной платок, покрывающий гладко убранные волосы. Веер – и тот черный, маленький, неприятно пахнущий травами, якобы изгоняющими тьму.

– Лучше бы блох гоняли, – прошипела Зоэ, с тоской понимая: Эспада сидит голодный и ему, пожалуй, все хуже. И попрощаться уже не получится.

– Не умничайте, – проскрипела донья Уксус. Усмехнулась. – Накормят пса, столь недопустимо ценного для вас. Какое падение нравов! Незамужняя девица босиком бежит к взрослому распутному мужчине и машет юбками так, что колени видно. Некоторые говорят: и не только колени.

– Некоторым надо бы язык свой пожалеть, пока цел, – хмыкнула Зоэ, не сомневаясь в Эспаде, Альбе и прочих своих родных.

Донья Уксус на миг позволила губам изобразить подобие улыбки. Затем закашлялась, и сперва Зоэ подумала: прячет смех, не каменная ведь она... Но Аделия побагровела, уронила веер, откинулась в кресле и задышала тяжело, с хрипом. Подбежали слуги, засуетились. Зоэ покачала головой: вот до чего доводят людей извечная кислотность вида и неприязнь к нормальной жизни, без маршей и окриков. Себя эта Аделия засушила, и прочим не легче. Даже заходясь кашлем, баронесса не забыла сделать жест, требующий проводить опальную «куколку» и не оттягивать отъезда ни на миг. Слуги уложили любимое платье плясуньи в ларец и повели Зоэ короткой боковой тропкой.

Герба на карете Зоэ не заметила – дверца была уже открыта. Челито суетился, пересчитывал вещи и охал. Еще он ругался, журил всех вокруг, по-прежнему ощущая себя важным, гордо держал голову и хлопотал шумно, напоказ. Зоэ юркнула в тень кареты, принялась к пыли штор, чувствуя себя тусклой и зажатой, а потому несколько потерянной и на редкость покорной. Старый моряк неодобрительно погрозил пальцем кучерам, снабдил последними указаниями лакеев и тоже устроился на gobеленовых подушках. Дверца хлопнула, кнут свистнул – и поездка прочь из столицы, приготавливаемая почти три дня, все же началась, не давая и намека на ожидаемую свободу.

– Дедушка, а где Альба?

– Поздно спохватился, нелюдь, теперь вона – пожар у его, носится, криком кричит: вещи не собраны, – мстительно усмехнулся старый моряк. – Слугу прислал, велел сказать, что сам догонит чуть погода. Все они на один лад, бестолочи. Грязь да ересь снова в наше окно полезла, как тут без выпивки, без болтовни и проволочек? Коня смотрят, подвигами хвастаются, оружие друг у дружки выпрашивают в обмен – ну, навряд ли на память. Капитан наш был туточки, так

они и славного дона де Льера к себе вызвали. Хоть так, дон Вико строг и в отплытии толк знает, он всех их наладит к делу. А дело-то наше – важное.

Зоэ уныло кивнула. Спорить с дедушкой не хотелось. Мрачные мысли одолевали, пыль со штор заполняла карету... Нет сомнений, опала будет нескончаемо тянуться в глуши. Там жизнь померкнет, серая тишь повседневности затянет окна паутиной, тоска и пресность покроют лучшие воспоминания плесенью горечи. Черные одежды, долгие молитвы, шепчущие голоса, природа – и та по нитке выстроена, замерла навтыжку частыми рядами виноградных лоз больших обитателей и малыми, строгими квадратами огородов при скромных жилищах.

– Тоска, – вслух посетовала Зоэ.

– Девице на выданье тоска полезна, – со значением усмехнулся дед. – Вознаградится она, так и королева сказывали.

– Что? – Зоэ вздрогнула, насторожилась, внимательнее глянула на слишком уж опрятного и даже нарядного Челито. – Дедушка, ты говори толком. Где Альба? Что происходит?

– Смотрины у нас, – старый моряк высказал главную тайну громким шепотом, сияя от гордости. – Королева, добрая душа, в милости великой тебя не оставила и оступившуюся, уж не абы кому сосватала.

– Стойте!

Зоэ застучала в дверцу, потом в переднюю стенку, сполна понимая бесполезность попыток воспротивиться происходящему. Но и молчать, соглашаться – никак нельзя!

– А ну, стойте! Дед, что ты говоришь... Альба бы никогда не позволил. И тебе грех, ты ведь знаешь, я того не желаю!

– Девицы обыкновенно пользы жизненной сперва не понимают, страх застит им глаза, – отметил Челито, рассуждая громко и перекрывая крики и ругань Зоэ. – Покуда нелюдь вытрясает дурь свою, покуда он разыскивает струны да записи песенок, мы все и уладим. Сама Изабелла Атеррийская приняла мудрое решение, исполненное щедрости и доброты к тебе, внучка. Не за купца или лавочника отдает, а за человека знатного, достатком не обиженного. Что твой нелюдь в жизни понимает? Каков его доход? А дети пойдут – чем их кормить, в какие такие песенки-стишки обряжать? То-то и оно... детям надобен теплый дом. Еще имя, положение. Все у тебя будет наилучшее, по первому сорту. Все сладится, вот уж рад я, внучку-то пристрою правильно. Расстараюсь, точно как велено. По-людски, по уму.

Зоэ еще раз дернула дверцу – не поддается. Угрюмо усмехнулась, тронула широкие переплеты окон: не рамы – решетки... Кричать бесполезно, плакать нет смысла, да и не умеет она этого. Бояться не получается. Остается думать.

– Дед, а прав был Рэй, – зло и спокойно выговорила Зоэ, больше не жалея старого моряка. – Не родной ты мне. Сирота я, предал ты нашу семью. Мой родной отец отдал меня за серебро злому нэрриха Борхэ. Тогда батюшка тоже о пользе говорил, а сам на денежку глядел. Борхэ после врал, обещал мне защиту, но отдал морю – по злобе... Твоя-то польза в чем?

– Зря ты так, деточка, – до дрожи губ огорчился Челито.

– Дед, тебе сама королева все сказала? Прямо она, наша Бэль? Не верю, она обещала, что так со мной не поступит. Тут все подстроено, понимаешь? Очнись, меня украли! Ты сейчас предаешь и меня, и королеву. Ты помогаешь её врагам.

– Письмо от её величества имеется, – уперся Челито, делаясь строже и копя обиду. – С печатом.

Зоэ застонала и уткнулась лбом в оконную раму. Бесполезно. Дед всегда, с первого дня знакомства, был человеком замечательным, но в упрямстве мог потягаться с Кортэ, это знали оба и потому ладили худо – но все же ладили, подспудно уважая чужую несговорчивость.

Кони шли резво, грохот подков и колес бурливой волной шума катился по узкому руслу улочек, опережая карету и разгоняя с дороги любопытных. Вот проехали университет, свернули вниз, к площади Филиппа, еще раз повернули – не хотят показываться на главных ули-

цах? В глухом, без единого оконца в стенах домов, переулке поехали совсем тихо, затем встали. Дверца с той стороны, где сидел Челито, приоткрылась, дед выпрыгнул, Зоэ метнулась – но опоздала, прижалась к решетке окна. Увидела, как Челито передает конверт «с печатом» рослому мужчине в темном плаще. Как тот кивает и хвалит за исполнение королевской воли.

– Они ведь убьют тебя, деда, – шепнула Зоэ, сполна осознав, во что ввязался старик, так и не разобравшийся за два года, сколь двуличен двор.

Челито пропал за каретой, стало страшно, словно она, Зоэ, снова тонет. И даже хуже: бояться за других куда тяжелее и больнее, чем за себя, теперь это понятно. Сердце ныло, затхлый пыльный воздух в карете казался глухим, не отзывался и не позволял окликнуть Альбу и его родной ветер. Хотя – Зоэ горько усмехнулась – чего там, воздух обычный. Это она – пустотопка, уже год, как не слышит ветров и не говорит с ними.

Дверца снова приоткрылась, мужчина в плаще быстро забрался в карету.

– Дон жених? – прищурилась Зоэ, отодвигаясь подальше.

– Его дон дядя, – улыбнулся прибывший, принимая насмешливый тон и рассматривая Зоэ, как недавно Эспада рассматривал породистого коня. – Неплохо, совсем неплохо. Не уродина, да к тому же плясунья. Её величество...

– И не дура, – буркнула Зоэ. – Не надо глупостей, я все равно не поверю. Не жаль вам племянника? Я ведь ему или сразу перегрызу горло, или потом, как только получится.

– Постараемся избежать столь досадного исхода брачной ночи, – пообещал дон, так и не назвавший имени. Стукнул в стенку кареты, дав знак к движению. Поправил темное кружево манжет, и отвернулся к окну. – Видишь ли, не стоит начинать дело ссорой. Мы можем договориться. Нам нужны ты и твой брат. Если убедишь его не перечить и ехать с нами, дав слово исполнять ряд правил, выгодных тебе. Прочее тоже уладится наилучшим образом. Если нет... Ты хоть понимаешь, что такое по-настоящему стать добычей, к тому еще бесполезной?

– А вы понимаете, что такое стать врагом всех нэрриха, к тому еще обремененным родней и средствами, которые можно потерять? – усмехнулась Зоэ.

– Давай начнём договариваться к нашей общей пользе, худшие исходы мы уже оговорили, – спокойно предложил мужчина, скинул капюшон и сел удобнее, наконец-то отворачиваясь от окна.

– Мы едем на север, – отметила Зоэ.

– Когда сменим карету, прикажу закрыть окна, – пообещал самому себе похититель. – Зоэ, разве тебя не интересует титул графини без всяких обязательств по поводу брака, свобода от столицы и капризов королевы, признание за Альбой прав, равных с правами людей, то есть снятие с него клейма еретика и бездушного нелюдя? Подумай. Клинки Кортэ и Альбы – гарантия твоих прав, они остры и весомы. Но я найду ответные гарантии, мои слова не лживы. Начнем с этого вот письма, читай. Рука и печать самого маджестика.

– Дед Челито еще жив?

– Боже мой, какие детские глупости! Мы не звери, он жив и счастлив. Отправился в порт Касль, там его ждет родная семья, одумавшаяся жена и двое взрослых детишек. Как, он не сказал? А ведь знал о награде... Вот так бывает, люди умалчивают о важном, даже те, кому мы верим.

Зоэ прикусила губу, с сомнением приняла письмо, осмотрела печать. На деда, независимо от сказанного, не хотелось ни обижаться, ни злиться. Сколько мог он возиться с чужой девчонкой, сколько мог терпеть положение самого слабого и ничемного из её защитников? Правда, его никто не укорял... Но дед давно копил огорчение. И по семье он тосковал, вот уж точно.

Зоэ еще раз глянула на нового спутника и решительно сломала печать. Развернула письмо. Чернила дорожные, буквы выведены так прихотливо и точно, как умеют их чертить лишь лучшие переписчики, известные до единого наперечет. Все они – гранды Башни и заняты

в работе над текстами переводов древнейших книг. Синим и зеленым заполняет узоры заглавных букв гранд Кинто, личный поверенный маджестика. Его почерк Зоэ видела и запомнила, бумаги имелись в кабинете Изабеллы.

Письмо оказалось полным текстом священного указания – такие порой составляет маджестик, внося важные уточнения в тонкие вопросы толкования веры. В руках Зоэ было указание относительно нэрриха, коих предлагалось считать «душою наделенными и равными рожденным от матери и вскормленными соками веры истинной»... Сидящий напротив мужчины забрал бумагу и смял. Усмехнулся, глядя прямо в глаза Зоэ, медленно и спокойно порвал пополам, и еще раз, и дальше – в мелкие клочки.

– Есть еще одна, точно такая. Подпишешь, что следует – её огласят на всех площадях, и не только в этой стране, – уверенно пообещал он. – Поскольку ты умеешь читать, изучи сразу и вот такой текст. Начни обдумывать. Ты ведь не дура.

Зоэ ощутила, как по спине бежит холодок большого страха. Совсем не требуется море, чтобы утопить плясунью, угодившую в шторм дворцовых интриг... Тот, кто сидит напротив – игрок с опытом. Он сейчас играет с плясуньей, как с законной добычей – по своему усмотрению. По позе, тону, выражению лица видно: он тут победитель, уверенный в своей способности всегда оказаться правым и главным. При должном опыте можно вывернуть наизнанку любую истину, а если есть силы, сторонники, время – обратить в нужную сторону всякое решение. Эта игра, – с ужасом осознала Зоэ, – слишком велика в своих ставках. Из столицы воруют личную плясунью Изабеллы, и главное в ситуации именно то, что воруют – у самой королевы, вот кто страдает в игре, вот кто под угрозой!

По крыше что-то хлестко ударило, снова грохнуло, захрустело. Зоэ недоуменно поглядела вверх. Проследила блик, сбегающий бусиной света по клинку, и прикрыла глаза, до крови закусывая губу и стараясь не вскрикнуть. Человек напротив сидел все так же и смотрел все так же, но уже стеклянными мертвыми глазами. Длинный клинок прорубил потолок кареты, прошел голову насквозь и нанизал эту голову, как тыкву – на кол. Зоэ зажала рот обеими руками и отвернулась. Подбородок мертвого с хрустом вздернулся, не желая отпустить из плоти клинок, выдираемый вверх... Зоэ метнулась подальше от трупа, к самому окну. Она слышала теперь много звуков снаружи и все – жуткие, понятные. Едва ли кучер или лакеи выглядели сейчас иначе, чем этот дон, так и оставшийся безымянным для непослушной, вполношенной памяти. Кони зафыркали, всхрапнули и послушно перешли на шаг, а затем остановились. Дверца качнулась.

– Быстро, пошли.

– Рэй... Рэй, а нельзя было, ну, не так... – шепотом пожаловалась Зоэ, всхлипывая и помимо воли цепляясь за шею Эспады. Тот как раз подхватил плясунью на руку и оскалился от боли во вчерашней ране, да еще и с примесью свежей... вон, ткань рукава обильно промокла.

Королевский пес мельком глянул на покойника, сникшего на дне кареты. Было заметно, как Эспада сразу помрачнел.

– Можно и даже нужно, черт побери, – зло бросил дон Эппе, и сразу потащил Зоэ прочь, бормоча еле слышно.

Сперва не получалось разобрать слов, в ушах гудело, но постепенно Зоэ отдышалась.

– Не виноват же я, что протрезвел раньше, чем следовало. На кой ты только явилась? Зачем разбудила... Я спал, и, пока это было так, дрыхли и мои сомнения, и старые счета, и новые долги. – Эспада рывком сбросил Зоэ с плеча. – Сама переставляй ноги, я устал. Н-ну, теперь бы надраться скотски, вот что было бы кстати.

– Рэй, а где...

– Куда послали, там и «где», – огрызнулся Эспада. – Быстрее. Черт... Кто ж знал, что он сам сядет в карету... Кто мог подумать, что я так окончательно и надежно не промахнусь? Бегом, н-ну!

– Кто он? – задыхаясь и ощущая, что сердце вот-вот выпрыгнет, охнула Зоэ.

– Труп он, – скривился Эспада еще злее.

Поволок дальше молча и грубо, вцепившись в плечо так, что о синяках Зоэ старалась даже не думать. Просто бежала, снова прикусив губу и чувствуя соленый вкус во рту. И все еще видя вместо мостовой и стен – белое мертвое лицо с распахнутыми, тусклыми глазами. Жизнь – это ветер дыхания, а карета позади была мертва, над ней копилась окончательная бездыханность. Проклиная себя и свой дар, Зоэ ощущала неведомое слишком отчетливо, не людски даже, и крепче закусывала губу. Зачем ей именно теперь – знать и чувствовать?

Эспада швырнул Зоэ к стене и загрохотал кулаком по дубовым воротинам. Выругался, добавил башмаком, гулко впечатал в ворота медное тяжелое кольцо украшения – ручку калитки. Еще раз выругался, прислонился лбом к створке и стал молча ждать, разобрав торопливые, испуганные шаги.

– Брат Кортэ? – уточнил голос по ту сторону ворот.

– Может, он тебе брат, – прошипел Эспада. – Но если эта девушка сей миг не перешагнет порог, или я тебя, чертов родственник, зарежу теперь, или рыжий чуть позже. Н-ну!

– Свят-свят, – ужаснулись за дверью.

В переулке стал копиться шум, Эспада оглянулся и скривился, удобнее перехватил саблю в левую руку, не пострадавшую в сегодняшнем бою. Калитка открылась, длинное испуганное лицо сэрвэда показалось в узкой щели, которую дон Эппе сразу расширил, пнув дверь со всей силы. Сразу же Рэй вцепился в плечо Зоэ и рывком бросил её к двери и вниз, коленями на мостовую. От удара на глазах выступили слезы, прокушенная губа заняла сильнее.

– А ну повторяй, – скороговоркой велел Эспада. – Я, девица Зоэ, на коленях молю братию и самого настоятеля обители Трехзвездия об убежище и заступничестве.

– ... и заступничестве, – старательно повторила Зоэ.

– Да-да, понимаю, – мелко закивал унылый сэрвэд и шагнул в сторону. – Мы окажем это... заступничество. Брат Кортэ так бы сказал.

Зоэ почувствовала, как рука Эспады буквально вбрасывает её в ворота.

– Запирай, придурок, – прорычал дон Эппе.

Толстая новенькая створка без скрипа качнулась, солидно стукнул тяжелый засов. Зоэ охнула, вскинулась на колени, не ощущая боли в плече. Смаргивая слезы и не видя за ними ничего, Зоэ ощупала ворота, отрезавшие её от улицы... оставив Эспаду там, снаружи.

– Рэй, а как же ты?

– Багряные не дают убежища убийцам, – отозвался знакомый голос, снова привычный, спокойный. – Зоэ, не охай. Все хорошо. Н-ну, не вешай нос. Поверь, если бы я проспал, как и собирался, обернулось бы хуже... для меня. Жди Вико или Кортэ, и где только черти носят их обоих? Если не явятся до ночи, делай, что хочешь, хоть с настоятелем пляши, но из столицы сгинь до рассвета. Куда – не знаю... Оллэ бы найти, раз этих нет. Поняла? Точно поняла?

– Да.

– Все же ты – нечто, – рассмеялся Эспада. – Даже голос не дрожит. Знаешь, я всерьез думаю, что тебя стоило украсть не ради танца. Нам было бы нескучно.

Зоэ едва решалась дышать, с ужасом понимая, что там, за воротами, творится что-то совсем плохое, что уже к ночи у неё накопится немало поводов назвать дедушку Челито предателем очень и очень всерьез. Что Эспаде уходить некуда, да он и не пробует, а имя убитого, скорее всего, таково, что в лицо его полагается узнавать всякому, потому мужчина и не предстал.

Каменные ущелья улиц гудели и грохотали, множа эхо чужой недоброй спешки. Все ближе и ближе... Потом стало тихо, слишком тихо, даже дыхание перехватило.

– Именем короля, – вполне ожидаемо отчеканил звонкий голос и чуть осекся. – Дон Раймундо Эппе? Вы? Но все же... Вашу рапиру... прошу.

– Саблю, придурок. Н-ну да, именем короля, разве я оспарю такое, – весело отозвался Рэй. – Идем. Держи вот... еще и ножи. Подставляй плечо. Чертовски жаль, что меня не задержали верховые, я бы охотно обменял оружие на место в седле.

Шаги удалились, на улице снова стало тихо. Даже слишком тихо – город все заметил и насторожился, зашуршал сплетнями, зашелестел слухами и домыслами. Зоэ кое-как, перебирая руками по воротам, поднялась в рост. Слезы высохли, осталось лишь мучительное, рвущее душу отчаяние.

Она обернулась, совсем как во сне – ожидая увидеть чудовище... а обнаружила за спиной чистый, без единой крохи сора на камнях, квадрат двора. В десяти шагах стояли несколько плечистых слуг в коротких, чуть выше колена, подбоях багряных ряс, носимых в паре с широковатыми штанами и дозволенных в ордене лишь тем, кого настоятель благословляет и предназначает для боя. У двух ближних мужчин не было кистей рук – у смуглого правой, у светловолосого левой. Стало совсем неуютно. Припомнилось: Кортэ два года назад в долине Сантэрии крепко не поладил со слугами, исполнявшими поддельный приказ прежнего патора. Позже рыжий нэрриха покался, был прощен и даже полностью оправдан, а затем даже принят в обитель... Но отрубленных рук это не прирастило на прежнее место.

– Идем, келья брата Кортэ пустует, – усмехнулся в соломенные усы слуга, лишенный левой руки. – Не думай дурного, все мы ждем нашего рыжего брата... как можно позже. Сие не мешает нам уважать его.

В ворота снова постучали, зычно велели именем короля открыть и выдать девицу Зоэ. Однорукий подмигнул Зоэ, рассмеялся и громко спросил, давно ли король получил от маджестика сан патора и власть над теми, кто жизнь свою посвятил Башне? С улицы тише и вежливее попросили не гневить бога. Во дворе расхохотались уже все собравшиеся, нестройным хором пообещали открыть ворота широко и всех еретиков привести к смирению и приятию веры истиной, а также и немедленному покаению. За воротами потоптались, еще раз упомянули приказ короля – и более не давали о себе знать.

Однорукий ловко подгреб Зоэ под ладонь и повел через двор, показывая культей по сторонам и поясняя, что где находится, знакомя с братьями. Ткнул в балкон и велел поклониться настоятелю. На балконе было пусто, но Зоэ послушно поклонилась.

– Вот и правильно, – отметил однорукий. – Нет его с утра. Но если это станет известно, мы окажемся обязаны выдать тебя... Так что кланяйся балкону всякий раз, проходя мимо.

– Чудно у вас, – осторожно улыбнулась Зоэ.

– Нам нравится. Ты Зоэ, да? Которая приходится королеве любимой плясуньей.

– Да.

– Понятно... ну, значит так: посиди пока здесь, отдышись. Если что понадобится, найди меня, брата-исповедника Теодора, хотя лучше зови просто Тэо, так привычнее, без вычурности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.